

Епархиальным курсам 20 лет!

ОТДЕЛ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАТЕХИЗАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МИТРОПОЛИИ

СЛОВО О КУРСАХ

Двадцать лет назад в ограде святой Александро-Невской Лавры были основаны епархиальные Богословско-Педагогические курсы, объединившие верных последователей Христовых, ищущих спасения души, жаждущих напитаться от Божественной Премудрости. Курсы воспитали немало добрых пастырей и усердных делателей на Ниве Христовой, которые понесли слово Божие своим ближним, на приходы, в семью, возжигая светильники христианского просвещения, веры и благодетия. Я сердечно благодарю всех тех, кто стоял у истоков этого богоугодного дела, кто посвятил ему годы жизни, вложил в него душу. Поздравляю со знаменательной датой начальствующих, преподавателей и слушателей епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского. Не угашайте духа, укрепляйтесь благодатью. Желаю курсам развиваться и совершенствоваться. Призываю Божие благословение на дальнейшие труды.

*Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский
Владимир*

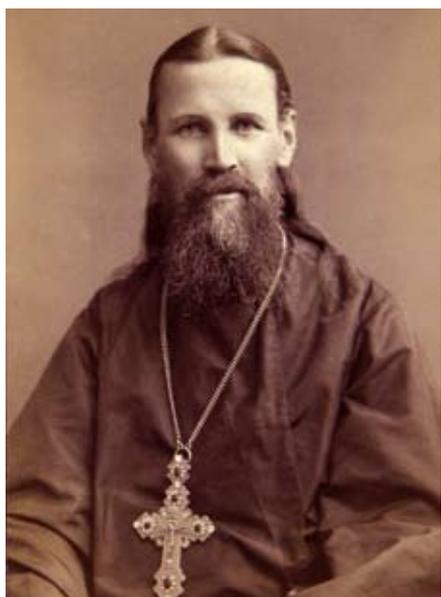
Очень часто, выходя за стены храма, после правильных слов, после красивых проповедей, мы погружаемся, по собственной воле, в иную атмосферу. И не только погружаемся, а сами начинаем ей подыгрывать. Это говорит о том, что, на самом деле, мы не живём до конца теми идеалами, которыми должен жить христианин. А для того, чтобы знать и понимать, как это должно происходить, для того, чтобы у современного человека действительно была мотивация к тому, чтобы по-другому мыслить, по-другому поступать, по-другому думать, оставаясь при этом совершенно свободным, современным, творческим, интересным, разумным, веселым и очень жизнерадостным человеком, конечно же, необходимы знания, необходимо особое воспитание, необходимо узнавание того опыта, который нам предлагает Церковь. И вот узнавание этого опыта происходит во многом на образовательных курсах для мирян. Именно миряне способны будут в своих общинах сформировать ту атмосферу, которая, перерождаясь – конечно, не быстро, может быть, годами, но изменила бы к лучшему состояние людей, состояние евхаристических церковных общин, и возможно, изменила бы к лучшему состояние всего общества. Мы сейчас видим, как христианство, которое уже, как мы говорим, переживает действительно непростые времена в странах Европы, тем не менее, пока еще, на каком-то удивительном, генетическом уровне, заставляет людей жить по этим христианским законам. Относиться друг к другу по-христиански, относиться к делу по-христиански, увидеть Бога там, где подчас обычный человек, не имеющий этого знания и воспитания, увидеть Его просто не способен. Поэтому, мне хотелось бы пожелать слушателям Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского, чтобы именно эта задача, по окончании обучения, была бы всецело воспринята умом и сердцем и была бы обязательно, с помощью Божией, по мере возможностей, в наших непростых условиях, осуществлена.

Епископ Гатчинский Амвросий

Содержание

Епархиальным курсам — 20 лет!

В юбилейном буклете говорится об истории создания курсов, о дне сегодняшнем и о перспективах на будущее. Многолетним опытом работы на курсах делятся преподаватели, слушатели же пишут тёплые слова о том времени, которое они проводили в аудиториях Александро-Невской лавры.

Небесный покровитель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Жизнь курсов 2

Фотографии передают дух мирен, царящий на курсах

I. История курсов 7

О создании и перспективах развития курсов рассказывают их основатели

II. Размышления преподавателей. 14

«И богословие, и взаимное духовное обогащение» — так считают преподаватели

III. Игорь Цезаревич Миронович 21

Статья памяти выдающегося преподавателя

IV. Что значат курсы для выпускников 23

Как изменилась жизнь человека после обучения на курсах

V. Новый этап в жизни курсов 27

Какие задачи стоят перед курсами сегодня?

Лучшие статьи из газеты «Свеча». 29

Курсовая газета издаётся третий год

«Вестник епархиальных курсов» 36

Публикуются статьи из будущего издания

Жизнь курсов 47

Продолжение фоторассказа

Епархиальным курсам религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского при Отделе религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской митрополии 20 лет!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: епископ Гатчинский АМВРОСИЙ
Редакционная коллегия

РЕДАКТОР: иерей Илия Макаров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Кульбицкая М. Н., выпускница курсов 1999 г.

РЕДАКТОР, КОРРЕКТОР: Дилакторская Е. С., выпускница курсов 2008 г.

ВЕРСТКА: Рогольский С. А., выпускник курсов 2011 г.

ФОТО: Гавриловец С. И.

В буклете использованы фотографии из архива газеты «Свеча», а также с общедоступных сайтов в интернете.

Адрес редакции: 191167 Санкт-Петербург, наб. р. Монастырки, дом 1, Епархиальное Управление, комн 186.

Тел.: +7 (812) 645-61-65, +7 (812) 274-17-39. Тел./факс: +7 (812) 710-35-73

E-mail: eogo@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Береста».

Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28.

Подписано в печать 25.01.2012. Заказ №1017. Тираж 500 экз.

Жизнь курсов в событиях и лицах

В церковной жизни Санкт-Петербургской епархии есть удивительное, даже уникальное явление — богословские курсы для мирян. Этим курсам в 2011 году исполнилось 20 лет.

ПАСТЫРИ

Ректор СПбЦДА, председатель ОРОиК СПб митрополии епископ Гатчинский АМВРОСИЙ. На нижнем фото — епископ Амвросий со слушателями курсов 10 мая 2011 г.

В первом ряду (слева направо) — иерей Кирилл Копейкин, иерей Александр Зелененко, иерей Николай Парамонов; первый во втором ряду — А. Н. Майков, третий — С. А. Королёв. Фото 1993 г.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир благословляет преподавателей и слушателей курсов на новый учебный год. 15 сентября 2009 г.

Жизнь на Епархиальных курсах наполнена событиями. И, между прочим, мытьё чашек после совместного чаепития — дело не только необходимое, но и интересное: сокурсники дежурят по группам, а совместное дежурство, как часто бывает, сближает людей.

И, спустя короткое время, слушатели, познакомившись друг с другом, вместе занимаются тем, что необходимо для работы курсов и к чему у них душа лежит. Оформление помещений — важнейшее дело. Особенно, если помнить, что потолки в залах и коридорах Лавры много выше трёх метров.

А ещё — совместная молитва, пение в учебном хоре. И пение на праздничных вечерах под аккомпанемент Сергея Ивановича, и подготовка таких вечеров. И просмотр фильмов, и поездки на молебны в храмы.

Интереснейшие события зимы — ежегодная Рождественская выставка и курсовой праздник Рождества для детей. Эти дни — возможность рассказать очень многим людям, далёким от церкви, о Христе. Слушатели благоговествуют — через рассказ о постном столе, через игру и через спектакль.

А весной — Пасхальный праздник. Он, в отличие от Рождественского, всегда более тихий, спокойный; детишек приходит меньше, но почти все они воцерковлены. Слушатели устраивают для детей сказочное путешествие по станциям. Дети попадают в сказку, летают на ковре-самолёте, бегают в семимильных сапогах, пробираются через тёмный лес на огонёк в избушке...

ОБУЧЕНИЕ

Но курсы предполагают, в первую очередь, довольно напряжённую работу, связанную с учебным процессом. Нередко у слушателей бывают совершенно разные мнения по обсуждаемым вопросам. Но это не препятствие для проведения занятий и для сохранения духа мирного, царящего на курсах.

На нижней правой фотографии запечатлён момент лекции архимандрита Ианнуария (Ивлиева), профессора СПбПДА.

Протоиерей Николай Груздев со слушателями у могилы новомученика священника Петра Скипетрова.

Епископ Гатчинский АМВРОСИЙ обсуждает с преподавателями курсов учебную программу.

Слушатели курсов перед началом лекций нередко служат молебны.

Курсы участвуют в городских выставках. На фото: о. Илия Макаров и сотрудник отдела Сынгаевская Надежда Николаевна с помощниками на выставке «Православная Русь». Май 2011 г.

Вопросы по организации учёбы и жизнедеятельности курсов слушатели решают с администрацией.

На верхнем фото: первокурсники 2008 г. с завучем курсов Кульбицкой Марией Никандровной. На нижнем: Мария Никандровна рассказывает первокурсникам об устройении курсов.

С первокурсниками 2011 года беседует о. Илия Макаров.

I. История курсов

Возникли курсы в особое время для нашей страны и церкви, годы «перестройки». Это время можно охарактеризовать особым внутренним состоянием людей. Повевало свободой, появились надежда, планы на будущее.

Празднование 1000-летия Крещения Руси в 1989 году пробило значительную брешь в стене, отделяющую Церковь от общества. Люди потянулись к храму, хотели креститься, хотели узнать о вере своих предков. Религиозной литературы почти не было; не было ни просветительских центров, ни воскресных школ. Вот в такое-то время и появляются богословско-педагогические курсы для мирян при СПбПДА. У истоков этого уникального проекта стояли молодые священнослужители, недавние выпускники Духовной академии, талантливые семинаристы, активные преподаватели. Первым руководителем курсов стал только что окончивший Духовную академию и принявший сан иеродиакона Николай (Парамонов), ныне игумен, настоятель мужского монастыря Троице-Сергиевой Приморской пустыни.

Его инициативу активно поддержали начинающий иерей, студент 3-го курса семинарии Александр Зелененко, недавний выпускник Духовной академии Николай Ершов, который стал преподавать на курсах нравственное богословие, молодой священник Георгий Митрофанов, ныне профессор Духовной академии, магистр богословия, читавший тогда лекции по истории Русской Православной Церкви; учащийся 2-го курса семинарии, канд. физ.-мат. наук Кирилл Копейкин, теперь протоиерей, кандидат богословия, секретарь Ученого Совета Духовной академии, преподававший догматическое богословие. Очень скоро в работе курсов приняли участие известные теперь преподаватели и священники: кандидат богословия, преподаватель Духовной академии Маркидонов Александр Васильевич, кандидат богословия, также преподаватель Духовной академии, почивший в 2011 году Миронович Игорь Цезаревич, протоиерей Михаил Петропавловский. Заведующим учебной частью курсов более 10 лет был Королев Станислав Александрович, очень много сделавший для формирования программ и уникального преподавательского состава.

Начали свою деятельность богословско-педагогические курсы для мирян в 1991 году.

Как всё начиналось

игумен

НИКОЛАЙ (ПАРАМОНОВ)

НАСТОЯТЕЛЬ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ПРИМОРСКОЙ МУЖСКОЙ ПУСТЫНИ

Мы начинали учиться в Санкт-Петербургской Духовной академии в так называемые «застойные» годы. После международной конференции, посвящённой 1000-летию Крещения Руси, со стороны государства появились некоторые свободы по отношению к Церкви. И в нашей студенческой среде возникла идея создать воскресную школу при Духовной академии. Идея была реализована, и мне посчастливилось там преподавать.

Мой класс размещался в актовом зале академии. Сначала учащихся было не много, но постепенно на наши курсы стало приходиться все больше и больше народа. И вот однажды одна слушательница сказала: «Знаете, у вас так интересно! Но я педагог, и считаю, что и наши дети должны участвовать в диалоге, в таком вот христианском общении. Можно ли это было бы как-нибудь организовать?»

И тогда у меня возникла идея открыть при академии богословско-педагогические курсы. Идея «зрела» параллельно с моим преподаванием. В августе 1991 года у нас проходила конференция, на которую прибыли преподаватели из Москвы и других городов страны. Мы обсуждали перспективу духовного образования для мирян. Я сказал, что педагогические собрания, общества православных педагогов — это, конечно, хорошо. Но, может быть, стоит организовать и дополнительное образование для педагогов? Чтобы они обучались в вечернее время. Ведь нам так необходимо православное влияние в школах страны!

Дело было ещё и в том, что в начале 90-х годов активизировались разнообразные псевдохристианские секты. А директора школ зачастую принимали их за христиан: говорят о Боге, вроде по Писанию; денег за свою работу не берут... Вся эта масса сектантов в любой момент могла ринуться и в школы! Поэтому-то и вызрела, наконец, необходимость создания именно богословско-педагогических курсов, с целью православного влияния на школу.

В итоге, к сентябрю появились первые «наброски» нашей большой работы по созданию курсов. Среди преподавателей были недавние выпускники академии: отец Николай Ершов преподавал нравственное богословие, историю Русской православной церкви читал отец Георгий Митрофанов. Были у нас и преподаватели из числа талантливых студентов. Отец Кирилл Копейкин, учившийся тогда на 2-м курсе, читал догматическое богословие. Со временем на курсах стали преподавать и наши учителя.

Но «изюминкой» этих курсов являлись пастырские часы. На них приглашались священники, которые имели большой жизненный, семейный, пастырский опыт. Когда батюшка приходил для беседы, зал был битком набит. Записок, вопросов возникала масса. После окончания лекции слушатели обступали преподавателя, не давали ему уйти. Или шли вместе с ним, продолжая беседу. Вообще, это было счастье взаимного общения. Хочется подчеркнуть, что попытка создать единство просвещенных людей, интеллигенции и церкви была предпринята еще до революции. Но тогда ничего не удалось осуществить. А сейчас на наших курсах наконец-то воплотилась эта вековая мечта о соединении просвещенной части общества и церкви!

протоиерей
ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

ПРОФЕССОР СПбДА

Двадцать лет назад наступил особенный период в истории нашей церкви. Этот период неожиданно открыл такие возможности, о которых можно было бы только мечтать.

Помню, как еще в 90-м году я читал курс по истории Русской Православной Церкви XX века в актовом зале Духовной академии. Для меня это был первый опыт — в стенах академии читать лекции мирянам. И вот уже через год возникает идея организовать цикл систематических лекций не просто для православных слушателей, а для тех, кто осуществляет практическую педагогическую деятельность, для учителей Санкт-Петербургских школ, которые идентифицировали себя как православные христиане. Действительно, это было очень важно: ведь в то время православная церковь еще не имела возможности выйти на какую-либо широкую аудиторию. Церковь не могла даже катехизировать своих прихожан, а уж, тем более, заниматься просветительской деятельностью вне стен храмов. Теперь же представилась возможность дать систематические религиозные знания воцерковляющимся учителям, и с их помощью, через них обозначить присутствие церкви в системе образования. Надо сказать, что этот опыт был результатом инициативы нескольких священников, молодых преподавателей Санкт-Петербургской духовной школы. Они принадлежали уже к тому поколению священнослужителей, которое сформировалось в условиях постсоветского времени (а ведь раньше для священнослужителя любая деятельность, помимо богослужбной, казалась невозможной и недопустимой). И вот, в частности, юный Николай Парамонов, отец Александр Зелененко и я, совмещавший свое приходское служение с преподаванием в академии, были одними из тех, кто стоял у истоков этих курсов.

Надо сказать, что первые слушатели состояли исключительно из учителей наших школ. Здесь мы встретились со многими сложностями. Как, например, обучать людей, имеющих минимальный набор религиозных знаний? Мы столкнулись также с тем, что и воцерковленный человек мог выбрать себе стереотип не только педагогических, но и предметных псевдознаний в области, например, истории, литературы. «Знаний», которыми его насыщали в советское время как в высшей школе, так и в учреждениях постдипломного педагогического образования. Нам приходилось решать многие проблемы, и мы, к сожалению, были мало к этому подготовлены. Тем не менее, благодаря энтузиазму наших преподавателей постепенно увеличивалось число преподаваемых дисциплин. Но, пожалуй, самое главное — значительно возросло количество слушателей. Постепенно, наряду с учителями, на курсах стали появляться и иные люди. Например, прихожане Петербургских храмов, которые не имели возможности у себя на приходах приобщиться к элементарным, основополагающим знаниям, несущим православное мировоззрение.

Становление курсов

Очень быстро курсы приобрели популярность среди мирян, так как в то время они являлись практически единственной возможностью для творчески ищущих петербуржцев узнать что-либо о предании православной церкви и обрести правильное направление в духовной жизни. На курсы стали приходить люди самых разных профессий, в основном, с высшим образованием.

Два первых года (с 1991 по 1993г.г.) курсы были годичными, потом до 1996 г. — двухгодичными, а затем и трехгодичными. Постепенно расширялся состав преподавателей и предметов.

Игумен

НИКОЛАЙ (ПАРАМОНОВ)

Кроме педагогов, у нас преподавали художники, писатели, музыканты и представители некоторых иных профессий. Но основной «костяк» составляли преподаватели из нашей Духовной академии, особенно в духовном сане. Представьте себе: в стране свирепствует кризис, душа человека «растрепанная», он, зачастую, не знает, как ему жить, что делать. И вот такой человек попадает в христианскую среду, начинает ощущать, с какой любовью здесь к нему относятся; потом видит преподавателей, студентов, учащих-ся, молодежь... И он, наконец, понимает, как много верующих людей у нас в стране.

На курсах, кстати сказать, обучалось и много будущих священников — более тридцати человек. Теперь они несут священническое служение во многих епархиях РПЦ.

Радость христианского общения, радость от христианских знаний всегда присутствовала на педагогических курсах. Одна пожилая слушательница, педагог, поведала мне, что получает на курсах опыт преподавания литературы «с христианской позиции». Но не на языке богословия (который многим мог быть непонятен), а находит нужные слова с Божией помощью. Она также отмечала, что обретает после лекций особое состояние духа, сходное с тем, что происходит в ее душе, когда она посещает церковь.

Конечно, это великая благодать, и хорошо, что духовная школа предоставила нам такую возможность. Особенно мы благодарны за это протоиерею Василию Стойкову, заслуженному профессору, в те годы — ректору СПбДА. Это именно он предоставил нам такую милостивую возможность — преподавать духовные дисциплины мирянам в здании нашей академии. Выпускники тех лет очень хорошо его помнят!

Сначала курсы были двухгодичными, но позже люди стали обучаться духовно-нравственным дисциплинам уже три года. Народу приходило очень много, и в зале становилось тесно, не хватало места слушателям. Перед нами встал вопрос о поиске помещения для курсов — при случае, если актовый зал академии не сможет вместить всех желающих. И вот в 1999 году нам предоставили возможность размещаться в здании Александро-Невской лавры. Не все помещения лавры были обустроены, и в связи с

этим обстоятельством, возникали некоторые организационные сложности. Но постепенно, с Божией помощью, все стало налаживаться.

Протоиерей

ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

Таким образом, изначально мы планировали обучить богословию практикующих педагогов. Но постепенно курсы стали по существу выполнять ту миссию, которая не выполнялась на многих приходах, а именно: давать знания о православной вере религиозновзыскующим, реолигиозно-мыслящим прихожанам. Тем, кто в советское время искал в церкви утешение для жизни и, одновременно, утешение для мысли. И курсы, помимо всего прочего, на протяжении многих лет несли ту миссию, которую должны были нести приходские священнослужители.

Часто я видел на курсах, на протяжении многих лет, одних и тех же людей. Так, курсы стали той средой, в которой православные миряне пытались найти, что называется, братьев не только по вере, но и по разуму. Пытались оказаться в кругу единомышленников, кто не просто рассматривает православную веру как ритуально-бытовую традицию, а как систему ценностей, образ мысли. Они искали братьев по вере, с кем можно было бы поразмышлять о Боге, о современной истории, культуре, жизни в контексте православного церковного предания. Так неожиданно курсы стали выполнять очень важную церковную общественную миссию, давая возможность людям мыслящим, очень часто отчужденным друг от друга на своих приходах, обретать единомышленников и единомышленников здесь, на курсах. Надо сказать, что у нас допускался очень широкий разброс мнений. Иногда это было не очень хорошо, а иногда — даже полезно, потому что в особенностях преподавания, в каких-то разных подходах к той или иной проблеме проявлялось все многообразие православной церковной жизни. Православный христианин понимал, что он не должен просто «зазубривать» какие-то элементарные постулаты, напротив — он учился мыслить, чувствовать, творчески развивать себя в рамках православной традиции. На курсах велись споры, дискуссии; подчас они могли приобретать и резкий характер. Но, во всяком случае, курсы показали, что в нашем городе, в нашей епархии есть немало мирян, стре-

мящихся к знаниям, готовых нести эти знания тем, кто так или иначе готов их воспринимать.

При этом, курсам, конечно, приходилось сталкиваться со многими объективными проблемами. Готовя не только мирян, которые хотят просветиться в плане своего религиозного мировоззрения, но и потенциальных катехизаторов, миссионеров, курсы не имели возможности претендовать на систему трудоустройства своих выпускников на многочисленных уже к тому времени приходах нашей епархии. Многие приходы не испытывали даже потребности в создании воскресных школ, приходских школ, катехизических курсов. Или же, создавая такие школы, открывая их, они сохраняли там довольно низкий уровень преподавания, опираясь на каких-то своих прихожан, часто не имевших тех знаний, которыми обладали выпускники наших курсов. По-разному складывались отношения с различными приходами. Постепенно епархиальное начальство стало осознавать необходимость инициировать развитие приходских школ и насыщать их профессионально подготовленными учителями. Но, к сожалению, свидетельства об окончании курсов, которые выдавались нашим выпускникам, так и не стали обязательным условием при принятии того или иного мирянина в приходскую школу в качестве преподавателя.

В то же время возникали и иные начинания. В течение 90-х годов Университет педагогического мастерства (Академия педагогического постдипломного образования) стал приглашать к себе преподавателей наших курсов, которые успешно преподавали практикующим учителям основы богословских церковно-исторических знаний. Все это привело к созданию сначала одногодичных, потом — двух, а еще позже — трехгодичных курсов, по окончании которых практикующие учителя получали диплом о втором высшем образовании. Но и эти учителя не находили места для приложения своих знаний в тех школах, куда еще не допускалось не только преподавание Основ православной культуры, но вообще какие-либо предметы, ориентированные на изучение православной и иной церковной религии.

За 20 лет своего существования Епархиальные богословские курсы зарекомендовали себя как просветительно-образовательная структура для мирян, достаточно высокого уровня. За эти годы в жизни курсов были и испытания, и проблемы, и поиски. В течение первых семи лет (до 1998 г.) занятия на курсах проходили в аудиториях Санкт-Петербургских духовных школ, а после учреждения в 1996 году митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром Епархиального отдела религиозного образования и духовного просвещения, курсы стали его структурным подразделением и располагаются на сегодняшний день в здании Епархиального Управления на территории Александро-Невской лавры, в помещении старого семинарского корпуса.

С 1998 по 2010 г.г. руководителем курсов Епархиального отдела религиозного образования и духовного просвещения был протоиерей Александр Зелененко. При нём же курсы, по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира стали именоваться Свято-Иоанновскими, в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. Именно в эти годы курсы приобретают известность, и слушателям по окончании курсов выдают Свидетельство церковного статуса с рекомендацией на катехизаторскую и духовно-просветительскую деятельность.

К сожалению, указанное выше начинание в начале 2000-х годов было ликвидировано, и курсы вновь стали единственным местом, где практикующие учителя могли найти возможность получать какие-то систематические богословские знания. Сейчас, когда как на общем церковном уровне, так на уровне церковно-государственном осознана, наконец, проблема необходимости развития просвещения, катехизации — как в приходских храмах, так и в светских школах — значение наших епархиальных курсов становится все более и более важным. Именно они стали тем местом, где учителя, готовые преподавать ОПК, могут получить, пусть государством ещё не аккредитованное, но по своему содержанию качественное образование.

Протоиерей
АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНЕНКО

РУКОВОДИТЕЛЬ КУРСОВ С 1997 ПО 2011 г.

Время было непростое. Начинали мы в духовных школах, семинариях и академиях. А затем мы стали нуждаться в новых площадях. Нас приютил храм Тихвинской иконы Божией Матери. И только потом, когда помещение передали Александро-Невской лавре, наши курсы теперь базируются здесь.

Пожалуй, самым ярким и незабываемым событием было 15-летие курсов в 2006 году. На праздник пришло более 350 человек, наших выпускников. После небольшой конференции мы награждали наших педагогов памятными подарками и архиерейскими грамотами. Было песнопение хоров, патриотическое песнопение. Затем чаепитие в Бирюзовом зале. Там мы радостно поздравляли педагогов, организаторов курсов.

О будущем курсов

За годы существования курсов было осуществлено 18 выпусков, более 1200 человек получили Свидетельства об окончании курсов. Многие из них осуществляют свое служение в храмах, Воскресных школах, церковных библиотеках, просветительских центрах, паломнических службах, больницах и различных социальных учреждениях. На сегодняшний день среди выпускников курсов есть помощник благочинных в сфере религиозного образования, директора и преподаватели Воскресных школ, преподаватели средних и высших школ, организаторы паломнических служб, экскурсоводы, юристы, журналисты, сотрудники газет, издательств, радиостанций, телевидения и т.д. Более 30 выпускников приняли священнический сан и несут свое служение в Санкт-Петербургской и других епархиях Московского Патриархата.

Время меняется, сегодняшний день ставит новые задачи перед Епархиальными курсами религиозного образования и катехизации для мирян. Исчез информационный голод времен «перестройки»; в городе работают православные лектории, просветительские центры, много издается религиозной литературы (в том числе, и сомнительного качества). Как в этом разобраться? Какие дальнейшие перспективы у Епархиальных курсов?

Игумен

НИКОЛАЙ (ПАРАМОНОВ)

Хочется еще сказать о том, чем отличаются богословско-педагогические курсы от катехизаторских. Катехизация — это просвещение для тех людей, кто хочет креститься. А наша главная идея в том, чтобы давать христианские знания тем людям, которые имеют светское образование и работают в школах. Действительно, если люди уже крещены, ходят в церковь и являются при этом педагогами, то им необходима не катехизация, а именно богословское образование. Ведь, представим себе: вот придет в школу человек,

«увешанный» всяческими церковными дипломами. А ему скажут: «Знаете, церковь отделена от государства, образование у нас светское. У вас же нет педагогического диплома! Поэтому Вы не имеете права вести занятия с детьми». Вот почему, я уверен, идея катехизаторских курсов закончится со школой, а вот идея богословско-педагогических курсов закончиться не может, поскольку педагог получает частным образом богословское образование, как дополнительное. Но христианское влияние на школу при этом остается! А это и есть самое главное.

Протоиерей

ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

Действительно, наши богословско-педагогические курсы переживали разные периоды в своем развитии. Часто они занимались даже не своим непосредственным делом, а именно — катехизацией прихожан Санкт-Петербургских храмов. Но ни разу не прекращалась их самая главная миссия: они не давали нашему церковному сообществу забыть о необходимости христианина постоянно наращивать свои знания, развивать свое мировоззрение. 20 лет, это, конечно, время очень продолжительное. Но нельзя забывать, что до этого были 70 лет, когда при церкви не могли существовать какие-либо просветительские формы образования. Я думаю, что сейчас, сделав, таким образом, очень большой виток в своем развитии, мы возвращаемся к исходной точке. Наши курсы должны не просто заполнять интеллектуаль-

ные мировоззренческие лакуны прихожан СПб храмов, которые посещают их как слушатели. Задача более широкая. На базе курсов должны формироваться специалисты (независимо от того, являются они педагогами, или нет): катехизаторы, миссионеры и просветители. Люди, способные

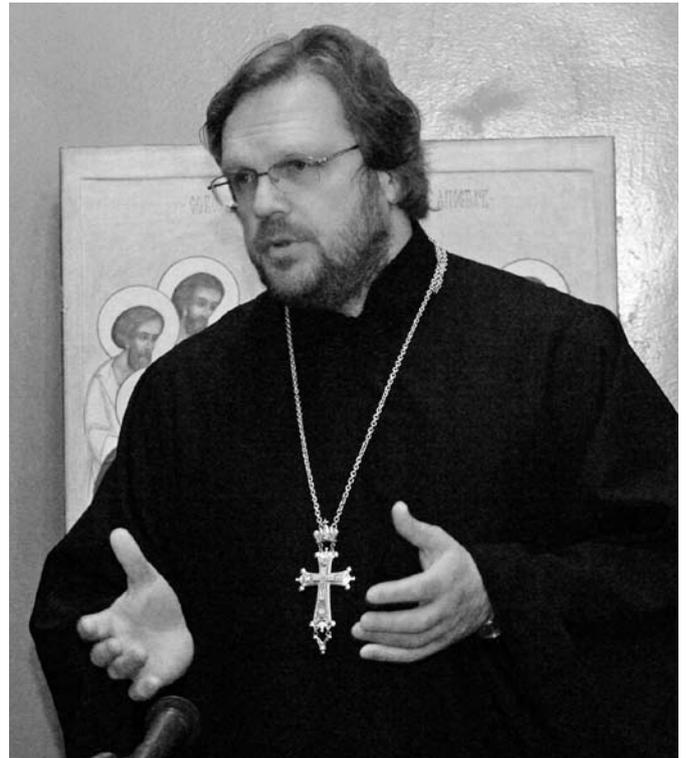
Протоиерей КИРИЛЛ КОПЕЙКИН

СЕКРЕТАРЬ УЧЕНОГО СОВЕТА СПбДА

Святоиоанновским педагогическим курсам исполнилось 20 лет. Срок это немалый. Мне довелось принимать участие в работе курсов, когда я еще учился в Духовной семинарии. В годы «перестройки» тяга к духовным знаниям, духовному образованию была огромная: люди ведь практически ничего не знали о православии. Тогда эти курсы территориально располагались в стенах Духовной академии. Для нас, молодых преподавателей, студентов это был огромный опыт. И я рад, что мне довелось там преподавать: ведь только тогда, когда ты сам учишь, тогда по-настоящему начинаешь понимать предмет. Хочу отметить, что за 20 лет курсы радикально изменились: из каких-то, почти домашних посиделок они превратились в такой, я бы сказал, действительно мощный обучающий центр. Преподают там уже лучшие преподаватели наших духовных школ, и все это, несомненно, позитивно сказывается на тех людях, которые приходят сюда и обретают не просто богословские знания. Они становятся катехизаторами, несущими сегодня слово Божие в самую глубь церковного народа.

Сегодня во всем мире происходят процессы изменения образования. Эти процессы затронули и наши духовные школы. Обычно это то, что называется «болонский процесс». Дело в том, что поколению наших родителей достаточно было получить высшее образование, и его хватало на всю жизнь. Сегодня скорость изменения условий жизни такова, что, получив образование, нам хватает его лет на пять. Для того, чтобы в наши дни идти в ногу со временем, возникла «Концепция непрерывного образования», образования на протяжении всей жизни. Именно эта задача поставлена перед духовными школами. Мы пытаемся не просто научить наших студентов какой-то сумме знаний, мы пытаемся научить их учиться, чтобы они, в условиях быстро меняющегося мира, могли бы самостоятельно и грамотно усваивать появляющуюся информацию. Эта задача стоит сегодня и перед епархиальными курсами. Мне ка-

доносить до своих ближних не какие-то произвольные «истины», сумбурно вычитанные из репринтных изданий, или полученные от сомнительных духовников и псевдостарцев, или просто кем-то нашептанные... Ведь подобные представления о православной вере не имеют ничего общего с традициями православной культуры! При этом, само церковное предание, к которому мы часто апеллируем, все равно остается для большинства наших современников книгой за семью печатями. Поэтому сочетание благочестия и знаний, приобщение каждого слушателя к тому, что не может быть подлинного благочестия без подлинных знаний, без подлинной церковной культуры — вот что является содержательной задачей курсов. А прикладная задача, как я уже говорил, заключается в подготовке кадров, тем более, что ни государственные, ни церковные образовательные учреждения не ставят это своей целью. Подготовка специалистов будет осуществляться только на наших курсах. Хочется пожелать, чтобы, в конечном итоге, слова Лескова о том, что Русь крещена, но не просвещена, наконец, перестали соответствовать действительности — хотя бы в рамках Санкт-Петербургской епархии.

жется, что она заключается не просто в том, чтобы донести до слушателей какую-то элементарную сумму знаний (скажем, Закон Божий). Важно научить людей ориентироваться в нынешних условиях, научить их не просто механически усваивать новую информацию, а и критически воспринимать ее. Человек не должен оказаться доверчивым потребителем всего того нового, что приходит к нему извне. Ведь современный православный христианин в первую очередь умеет соотносить церковные традиции с преданием, проверяя критическим своим разумом действительность, подлинность получаемой информации. Можно быть современным человеком, при этом оставаясь верным незыблемой истине в откровении, которая была дана нам Иисусом Христом.

II. Размышления преподавателей

За прошедшие 20 лет на курсах работало более 30 преподавателей. Это преподаватели Духовной академии и семинарии, опытные священники, преподаватели вузов Санкт-Петербурга.

Кандидат богословия
**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
МАРКИДОНОВ**

В работе Богословско-педагогических курсов мне привелось принять участие со времени их устройства в самом начале 90-х годов.

Чтобы осознать значение и особенность этого начинания, нужно припомнить атмосферу того времени, его духовный климат. Это была атмосфера свободы — небывалой, неиспытанной свободы, но и вместе с тем — время неопределенности, как бы бескачественности, чреватой, в числе прочего, и какими-то искусственными образованиями. Так, в быстро, «на скорую руку» организуемых частных учебных заведениях тех лет становилось почти модным вводить и курс «религии».

Нередко, в этих случаях, преподавателям, чаще всего из духовной академии, приходилось попадать в такие аудитории, где тебя либо вовсе не слушали, либо осаждали агрессивно-провокационными вопросами, замечаниями и насмешками.

Книг (а, тем более, специальных магазинов) на религиозную тематику почти ещё не существовало. Не было ещё, так сказать, культурного «механизма», который в разных формах осуществлял бы свидетельство Церкви. Но именно поэтому исключительное значение приобретали люди — живые носители этого церковного свидетельства.

С естественной необходимостью, но при этом и с выразительностью символа, местом проведения занятий на наших курсах, этих первых собраний-лекций, стала Духовная академия. «Профессорская», ещё в семинарские мои годы чарующая своей монументальной просторностью и, вместе, недоступностью, стала враз

и доступной и тесной для многих десятков слушателей курсов, вряд ли со знававших, в каком радикальном повороте академической истории они участвуют.

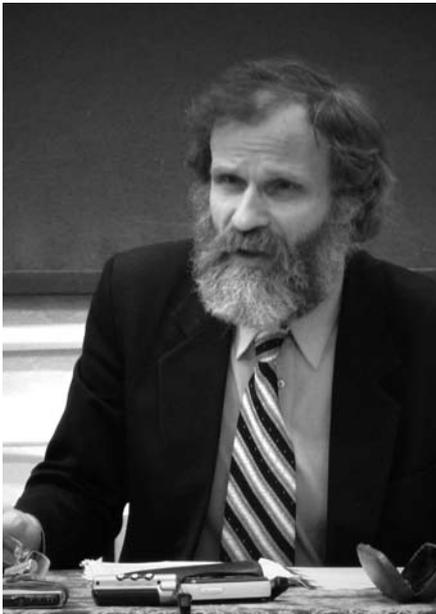
Думается, что существенной особенностью наших курсов в то время была непосредственность совершаемой здесь встречи очень разных, но одинаково непосредственно открытых к поиску высшего смысла людей. Эту непосредственность нет ни возможности, ни нужды унифицировать и стилизовать: она реально-эмпирически являла всю ту пёструю, трудоёмкую и необъемлемую «душу народа», которая вбирает в себя и радость приобщившихся истине и тоску и смуту тех, кто лишь мучительно взыскует. Но это, лишь в своих полюсах обозначенное, разнообразие, вряд ли податливое для методически выверенных педагогических штудий, — не мешало, однако, непосредственности встречи, тому её откровению, о котором в каж-

Фото: Артём Костров

дом отдельном случае можно было бы сказать словами Достоевского: «мы — два человека, сошедшие в беспредельности, давайте же говорить языком человеческого». Да, люди были — интеллектуально, психологически, образовательно, возрастно — самые разные. Но не хочется говорить об этих различиях как об «уровне» (заношенное, бездушное слово), потому что все эти различия не «снимались», но превосходились в горизонте общения, в той способности к открытости сердца и ума, которая созревает в благодарности. За эти годы многожды случалось встречаться с выпускниками наших курсов, и всегда — воспоминания с благодарностью — больше, чем о «знаниях», — о встрече.

Дай Бог, чтобы, при всех возможных и необходимых организационно — методических и тематических изменениях, которые когда-либо произойдут с нашими Богословско-педагогическими курсами, они сохранили бы атмосферу доверительного общения и той духовной непосредственности, которая отличает всех ищущих «единого на потребу».

Методист Академии
Постдипломного образования
**АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ
МАЙКОВ**

А. Н. Майков проработал на курсах 18 лет, с момента их основания.

В 1990 году именно он обратился к ректору СПбПДА с просьбой организовать богословские лекции для школьных педагогов. Его усилиями, совместно с отцом Николаем (Парамоновым), были организованы первые курсы, тогда еще ориентированные только на обучение школьных педагогов. До сих пор Александр Николаевич хранит уже пожелтевший список первых 25-ти учителей, поступивших на курсы.

В дальнейшем Александр Николаевич преподавал на курсах «Методику преподавания Закона Божия», так как в то время воскресные школы только начинали открываться, и учителей, которые могли бы там работать, практически не было.

Все самые светлые воспоминания своей долгой преподавательской деятельности Александр Николаевич связывает с богословско-педагогическими курсами.

Протоиерей
**МИХАИЛ
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ**

Я тружусь на курсах с 1993 года, и все эти долгие годы всегда с радостью иду на занятия, с радостью встречаюсь со всеми слушателями, которые приходят на наши курсы.

И за эти годы перед моими глазами прошла целая череда очень разных людей: и глубоко верующих, и только только пришедших к вере. У всех у них есть заинтересованность: обучаться на наших курсах.

Среди слушателей большой разброс по возрасту: от 16 до 60. Чаще всего это занятые люди, у многих семьи, дети, внуки; но все они с большой радостью идут после работы, усталые, может быть, несут с собой множество собственных проблем, религиозных, и нравственных, и просто бытовых: и денежных, и семейных... Но, тем не менее, они находят на наших курсах и поддержку, и нужное слово, а иногда и получают прямой ответ — когда им кажется, что ситуация их совсем неразрешима.

За долгие годы преподавания на этих курсах я сам почувствовал, что преподаватель должен вместе с ними расти. И сам контингент слушателей за эти 20 лет сильно изменился. В начале 90-х годов люди только-только приходили к вере, они называли себя неопитами. Были малограмотными в нравственном и церковном смысле, и им было очень трудно найти дорогу к вратам храма. Они могли идти от врат до алтаря многие годы. Сейчас положение сильно изменилось, люди приходят более-менее осмысленно. Может быть, в количественном отношении слушателей стало немного меньше, но зато в качественном — они на голову выше своих предшественников 10–15-тилетней давности.

Поэтому современные слушатели уже точно знают, не просто, что они услышат, какие предметы им будут преподавать. Они знают и о преподавателях: кто именно будет читать им лекции, потому, что сюда люди часто приходят по рекомендации выпускников курсов. И мне хотелось бы надеяться, что у нас заложена достаточно мощная база религиозного, нравственного преподавания, что мы, в общем-то, оправдываем и будем в дальнейшем стараться оправдать надежды наших слушателей.

Иерей
ВЯЧЕСЛАВ САНИН

Курсы дали мне многое — и как слушателю, и, впоследствии, как преподавателю.

То, что они существуют уже столько лет, говорит, в первую очередь, об их востребованности. И это не формальная востребованность, это потребность людей, верующих людей нашей епархии — получить христианские знания. А, с другой стороны, надо

Фото: Артём Костров

отметить большую заслугу руководства, преподавателей курсов: они так сумели построить свою работу, что привлекли внимание многих людей. Вот это, я думаю, и привело к тому, что курсы успешно существуют и развиваются, и у них есть будущее.

Преподаватели и слушатели здесь взаимно обогащаются. И это не просто передача книжной информации. Каждый преподаватель делится своим христианским опытом — от сердца к сердцу — в соединении с тем знанием, с той дисциплиной, которую он преподаёт. Действительно, мы затрагивали очень глубинные процессы отношений.

Какое-то вдохновение, какое-то благословение на этих курсах есть. Наверно, это небесное покровительство святых: св. праведного Иоанна Кронштадтского, св. благоверного князя Александра Невского, и других. Здесь оживаешь, творчески вдохновляешься.

Вдохновение, благословение свыше — они реально ощущаются и в ответе благодарного слушателя. Приходишь, бывало, очень усталый, просто «никакой» — и с первыми словами как-то сразу оживаешь. Ведь такую аудиторию тоже не везде найдешь! Иногда у нас бывали и спорные разговоры, но это нормально. Преподавателю не интересно, когда нет отклика, обратной связи.

Курсы соответствуют веянию нашего времени. Сейчас очень важно, чтобы на приходах, в учебных заведениях, в светских или приходских школах, воскресных школах были те люди, которые бы могли передавать своим слушателям из уст в уста этот опыт, эти знания.

Кандидат искусствоведения
**ОЛЬГА БОРИСОВНА
СОКУРОВА**

Я преподаю на курсах уже более 15 лет и должна сказать, что эти годы являются для меня сплошной радостью, даром Божиим.

И это благодаря тому, что я имею возможность преподавать моим соотечественникам, единомышленникам те духовные сокровища, которые заключены в русской художественной литературе. Ведь русская литература в корнях своих глубоко православная. И это не приходится объяснять нашей аудитории: изначально мы единомышленники.

На курсах ощущается атмосфера настоящей христианской, братской любви и такого благодарного понимания, которое вызывает ответную глубокую благодарность. Как говорил поэт Ф.И. Тютчев:

*«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»*

Я иногда прихожу очень усталая, понимая, что и слушатели тоже устали (ведь дело происходит вечером). Но всякий раз я как на крыльях лечу обратно: здесь столько энергии, любви, понимания, глубочайшего внимания. И это так много значит для меня, как преподавателя! Здесь, на курсах много умных, талантливых людей, и я прошу помощи Божией, чтобы такое благородное дело продолжалось бы и в дальнейшем.

Кандидат философских наук,
доцент

**ИГОРЬ БОРИСОВИЧ
ГАВРИЛОВ**

Я пришел на курсы как слушатель в 1998 году.

Первым человеком, которого я здесь встретил, был Станислав Александрович Королев (мы все называли его Анастасием). Кандидат искусствоведения, человек уникальной образованности, страстно влюбленный в русскую православную музыкальную и художественную культуру, философию, богословие. Как первый завуч курсов, он очень много сделал в первые годы работы курсов для укрепления религиозного образования, утверждения единства веры и культуры. Свой первый цикл лекций, который я начал читать уже через год, параллельно с учебой, «Апологиетика христианской культуры», я создавал, во многом используя его богатейший опыт, которым он щедро делился.

Огромное впечатление произвели на меня лекции Игоря Цезаревича Мироновича, Александра Васильевича Маркидонова и других наших замечательных преподавателей. Я им до сих пор очень признателен.

Все 12 лет, которые я преподаю здесь, общение со слушателями дарит мне чувство радости. В наших слушателях из года в год я нахожу отклик, понимание и любовь к православию, к русской культуре. И я благодарен всем поколениям слушателей за то, что они не только сами, просвещаясь, укрепляли свою веру, но и мне своим искренним сердечным отношением по-

могли утвердиться в вере и Церкви. На мой субъективный взгляд, Свято-Иоанновские курсы — это лучший просветительский центр для мирян в нашем городе. Надеюсь, что они еще много лет будут не только укреплять верующих христиан на пути богопознания, но и готовить будущих учителей, катехизаторов, преподавателей, готовых послужить Русской православной Церкви.

Замечательно, что на курсах изучаются не только богословские, но и философские, культурологические дисциплины. Мой предмет — философия — очень нужен современным христианам, изучающим богословские науки. Еще Климент Александрийский считал философию служанкой и помощницей богословия. Он уподоблял великих античных философов Сократа, Платона ветхозаветным пророкам. Они подготовили языческий мир для принятия Христа. Также и сегодня философия должна бросать добрые семена в наш полужызычный мир. Истинная философия всегда религиозна. Она, по словам святого Иустина Философа, «питается от Божественного Логоса». Именно такую философию я и стараюсь преподавать.

Иерей, кандидат философских наук
ИГОРЬ ИВАНОВ

В моей жизни курсы стали судьбоносным этапом, неким узловым моментом,

на курсах пересеклись старые жизненные нити и завязались новые, и все они разнообразно и промыслительно переплелись.

Метафорически я могу для себя назвать курсы «узлом связи».

Мне посчастливилось учиться на курсах в 1998–2001 годах. Я пошел на них по совету С. А. Королева. Его глубочайшие познания и тонкая православная интуиция стали для меня образцом настройки духовного камертона. В беседах с ним проявлялось вдумчивое, целостное, трепетное и одновременно строгое отношение к церковному образованию, учитывающее и тайну личности, и тайну Промысла, важность личной ответственности за Церковь и осмысленной церковности. Он говорил о благородстве истины и о несводимости духовного обучения к методикам и образовательным технологиям. Исходя из этого, он тогда подобрал великолепный преподавательский состав, часть из которого преподает и до сих пор.

Неизгладимым впечатлением от курсов того времени было и то, с каким усердием и какими трудами о. Александр Зелененко восстанавливал эти аудитории и залы. Наш курс принимал посильное участие в ремонте помещений, что определенным образом сплотило его.

Можно было бы много рассказать о впечатлениях, об общении с преподавателями на курсах, но что касается моего спецкурса по византийской цивилизации, то здесь сказалось увлечение Византией, которое развилось благодаря лекциям А. В. Маркидонова, разносторонне открывшего для меня богатство византийского мира. И вот уже 10 лет Византия — источник вдохновения и предмет моих научных изысканий.

Иерей
**МИХАИЛ
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ**

Вот уже 13 лет я преподаю курс литургического богословия, который я начал, сперва как преподавание церковного устава.

Но со временем стало понятно, что людям, которые приходят на эти

курсы, не так важно именно составить службу (что нужнее семинаристам). Гораздо важнее для них хорошо понимать то, что во время службы читается и поется, то, что хочет церковь донести до нас в своей повседневной проповеди. Именно объяснить нам волю Божию, объяснить, Кто Такой Господь наш Иисус Христос, зачем Он пришел в мир, как Ему удалось грешных спасти: то, о чем ежедневно поет и проповедует во время богослужения святая соборная апостольская церковь.

И поэтому основным содержанием курса стало *объяснение священных действий, молитвословий, песнопений*, с которыми мы встречаемся во время богослужения в повседневной службе. Особенное внимание уделяется церковно-славянской этимологии, основным понятиям, содержащимся в молитвах, и отсюда возникает необходимость в разъяснениях *догматических основ православной веры через литургические тексты*. То есть, догматики в песнопениях.

Большое внимание в моем курсе уделяется *также таинствам церкви*, начиная со Святого Крещения. Все молитвы нами прочитываются; они имеют очень глубокий огласительный характер. Сами тексты рассматриваются, как богословские источники знаний о Боге, знаний о воле Божией, о том, как нужно жить человеку в разных его гражданских состояниях. Вот отсюда вытекает суть святого крещения: чтобы человек родился и жил в Боге, имел бы чувство покаяния. Мы говорим о том, как человека «вылав-

ливать» из-за борта духовного корабля, когда он может утонуть в волнах житейского моря, и тонет, и погибает; как человеку жить в брачном союзе, как добиваться того, чтобы главой семьи стал Господь Иисус Христос. Мы проходим все семь церковных таинств, подробно изучаем первичные тексты по книжкам «Требник», «Часослов». Ведь по этим книжкам наши пра — прадедушки и пра — прабабушки когда-то учились читать! Вот эти книжки мы теперь читаем, воспринимаем культуру наших далеких предков для того, чтобы нам не было бы стыдно перед ними за потерю их культурного наследия.

В этом я вижу смысл своего присутствия здесь, и преподавания. Я курсы рассматриваю не как подготовку специалистов в какой-то области, для того, чтобы они где-то дальше, в какой-то области приложили силы, в общественной деятельности. Я вижу основную свою задачу в расширенном оглашении православных христиан, чтобы они сознательно участвовали в богослужениях и сознательно подошли к таинствам Христовой Церкви и сознательно могли бы вести за собой своих собственных детей. Большого, я думаю, с нас не спросится.

Историк ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СОКОЛОВ

В течение последней четверти прошлого века все говорили о необходимости альтернативного образования, воспитания;

Фото: Артём Костров

о том, как связать культуру православия, современность и историческую традицию. Как поднимать уровень духовности у взрослых и детей, которые тянутся к религиозной культуре.

То есть, речь шла об инновационной форме обучения. Но теоретизирование осталось теоретизированием.

А вот на этих курсах с Божией помощью организовалось творческое содружество, крайне редкое и почти уникальное содружество учащихся и преподавательского состава. Здесь добрая, творческая атмосфера, сюда замечательно и приятно приходить. Здесь удастся осуществить то, что не удастся осуществить в других местах. А все потому, что в этих аудиториях есть удивительная степень восприимчивости возвращения энергии. Здесь очень комфортно, душевно, здесь очень сердечно творчески работать.

Кандидат филологических наук

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА БОЛТОВСКАЯ

Я рассказываю слушателям об истории европейской культуры. Дело в том, что современный человек практически нигде не услышит духовной трактовки тех процессов, которые происходят сегодня в истории, литературе, искусстве.

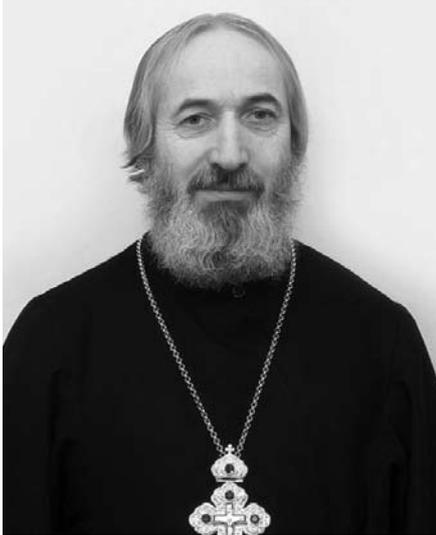
Ведь искусство возникло за тысячелетия до того, как появилась наука! Поэтому литература и искусство являются нам историю становления человеческого сознания и тех изменений, которые происходят с человеком на протяжении тысячелетий и столетий.

Так вот, если мы не будем интересоваться этим процессом, то не сможем осознать того, что с нами происходит сейчас. Мы должны понять, что такое «русский дух», чем он отличается от римского, католического духа. Для этого и надо изучать историю европейской культуры — в сравнении с русской культурой.

Я рассказываю своим слушателям о том, что такое классическая культура. И почему она сегодня так стремительно разрушается. Что происходит с нашей душой и нашим сознанием. И мне думается, что все те дисциплины, которые читаются на курсах, они помогают человеку осознать свою миссию на Земле, свою духовную цель.

Фото: Артём Костров

Протоиерей
ВЕНИАМИН ГОРШКОВ

Начинал я в то время, когда еще и не было таких организованных курсов. И потому я возрастал вместе с тем, как преподавал.

То есть, эти курсы имели для меня очень большое и важное значение: они способствовали тому, чтобы я сам углубился в Христово вероучение, в святоотеческую традицию, знакомился бы с трудами многих святых отцов. Так, по милости Божией, совершенствовался мой цикл лекций. Начинался он с простых пересказов некоторых пособий; но, в конечном итоге, когда я воспринял многое из святоотеческого учения, получился современный курс лекций по догматическому богословию, который я читаю сейчас.

Для меня лично преподавание здесь, на курсах имеет очень важное значение. Оно позволяет мне, как я уже сказал, глубже посмотреть на христианское вероучение, а вместе с ним, вообще на христианское благочестие, поскольку догматы и вероучение связаны между собой.

С другой стороны, конечно, курсы дают много и для учащихся. Вот, например, на последней пасхальной выставке многие люди узнавали меня, подходили ко мне и с благодарностью. Они говорили мне, что очень многое в духовном смысле приобрели за время учебы на богословских курсах. Подчеркивали, что это ощущение возрастает с годами, когда человек начинает чувствовать тот багаж знаний и духовный опыт, полученный за время обучения. Это служит ему для станов-

ления его жизни, как христианина, как православного человека.

По милости Божией, я продолжаю читать эти лекции на курсах и стараюсь углубленно преподавать именно христианское благочестие, Христово православное вероучение, в духе Святой Православной церкви.

Иерей
АЛЕКСАНДР МИХЕЕВ

Мы изучаем со слушателями особенности богослужения, особенности церковного устава.

Задача предмета — не только передать теорию и практику богословских знаний, но и научить людей понимать то, что происходит в церкви, на богослужении, так как оно является сердцевинной церковной жизнью. Потому, что церковь — это единство евхаристическое, единство всех во Христе, в той новой жизни.

Наша задача — не сделать из людей богословов, а помочь им стать верующими людьми, которые не только приходят за церковными свечками, святой водой и крашеными яйцами, а в первую очередь приходят ради того, что совершил Христос. И я, как преподаватель, очень рад, что люди находят возможность посвятить время осмыслению своей церковной жизни. И мне кажется, что эти люди в каком-то смысле — будущее нашей церкви. *Потому что, если человек не понимает свою веру, то его вера пуста.* Она теряется, меняется на что-то другое. И только та вера, которую человек понял и через которую возлюбил, она может быть мировоззрением, осмыслением его жизни, его деятельности. И в этом я вижу и свою посильную помощь. Чтобы за формальностями церковной жизни они смогли видеть то неизменное, сокровенное, вечное, чем живет и жила церковь.

И дай Бог, чтобы курсы эти развивались, чтобы все больше и больше людей осознавало необходимость повышения своего культурного и церковного уровня, и через это возрождались бы наша церковь, наша епархия, и чтобы не только церковь готовила образцовых священников, а чтобы были образцовые люди и из народа Божиего. Ибо среди других людей — мирян, где-либо учившихся, особо выделяются именно те, кто прошел путь наших богословских курсов. С ними проще говорить, проще понимать друг друга.

Дай Бог, чтобы это дело развивалось! На курсы приходят воцерковленные и невоцерковленные люди, многие люди, которые «неправильно» воцерковлены (с ними бывает сложнее, чем с невоцерковленными!). Но все равно

это народ Божий, поэтому мы не вправе отказываться от этих людей и тем самым их терять. А мы призваны приложить посильный труд, чтобы вернуть их в словесное стадо Христа, чтобы помочь им стать не фанатиками, а нормальными полноценными членами церкви, которые не просто будут в церкви, а собой, своей жизнью будут церковь созидать и украшать. Дай Бог, чтобы это дело развивалось и с каждым годом становилось лучше!

Регент церковного хора
**ТАТЬЯНА
ВЛАДИМИРОВНА
ПРОЦЕНКО**

Я преподаю церковное пение на курсах с 1995 года.

Хочу сказать, что на курсах учатся хорошие, трудолюбивые люди, которые после тяжелого рабочего дня приходят заниматься: слушать, изучать слово Божие, проявляют живой интерес к церковному пению. Некоторые изъявили желание более углубленно заниматься этим предметом; эти слушатели посещают факультатив.

Многие из наших выпускников стали петь в церковном хоре, кому-то пришлось управлять хором на сельском приходе.

Приятно проводить занятия с людьми, имеющие большое желание «славить Бога». Оставляю наилучшие пожелания в совершенствовании этого дела.

Член Творческого Союза художников России
**СЕРГЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
АЛЕКСЕЕВ**

Я закончил курсы в 1996 году. С 1999 года читаю «Основы богословия священного изображения», знакомя слушателей с иконой с точки зрения богословия. Раскрываю суть, цель и значение иконы в литургической жизни церкви. Мы рассматриваем и исследуем становление образов в иконографии Божией Матери, Спасителя, святых. Также мы поднимаем вопрос апологетики иконопочитания.

Конечно, за один год очень трудно рассказать о таком всеобъемлющем явлении, как православная иконография, но, тем не менее, основу (костяк, фундамент) я стараюсь нашим слушателям дать. Дальше они уже сами будут пополнять свои знания, тем более, что сейчас есть много достаточно хорошей, глубокой и серьезной литературы современных авторов именно по этой теме.

Занятия на курсах обогащают меня очень серьезно. Бывает, что мне задают очень сложные вопросы, на которые я сразу не могу дать ответ. Начинаю погружаться в литературу, искать необходимую информацию. Так происходит взаимное обогащение. Я стараюсь рассказать слушателям то, что знаю я, что накопил и приобрел за эти годы. Но и они тоже дают мне определенную сумму знаний! И, конечно, я ухожу на каникулы с какой-то пустотой. Когда же идет дело к сентябрю, то возникает ощущение, что ты нужен. И я

с радостью иду знакомой улочкой по Лавре, думая, что вот сейчас состоится встреча с православными людьми, и мы будем вместе изучать такое сложное и многогранное явление, как православная икона.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГМА имени И. И. Мечникова

**СЕРГЕЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ
НАУМОВ**

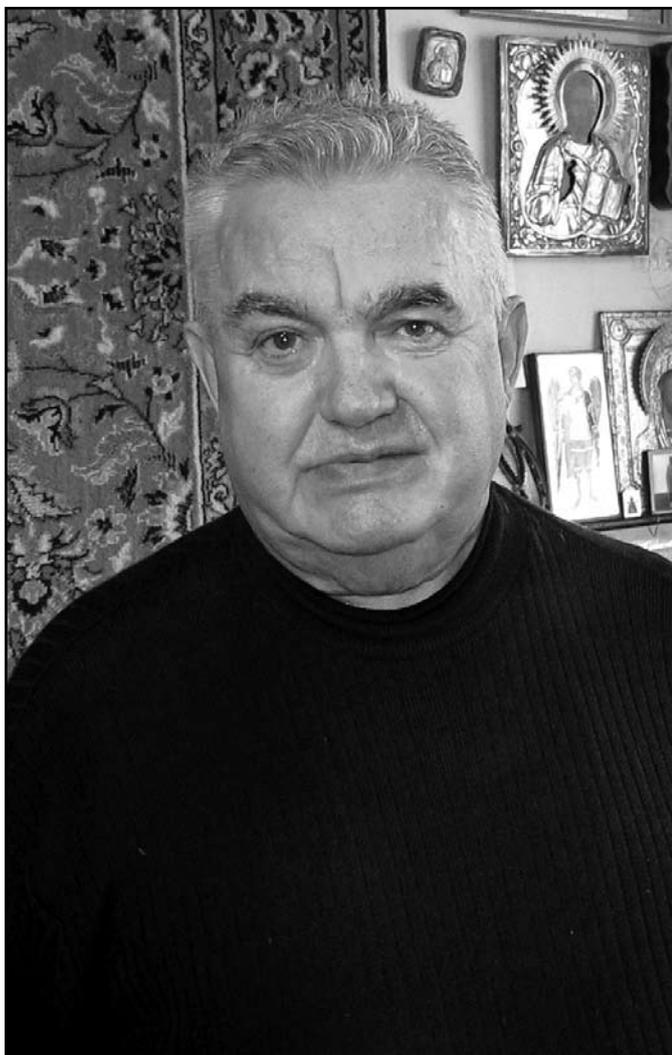
В 2000 году я поступил на курсы и отучился на них три года. Спустя некоторое время стал преподавать церковно-славянский язык на этих курсах: сначала на подготовительном отделении, а потом и на первом курсе. Так что могу дать оценку курсам и как преподаватель, и как бывший слушатель.

Курсы имеют определённый дух, отличающий их от всех других мест, где бы я ни учился. Здесь поставлена и воспитательная цель: слушатели готовят выставки, сами осуществляют уборку помещений. Служатся регулярные молебны, читаются акафисты. Сочетание обучения, труда и молитвы, а также совместные паломнические поездки сформировало совершенно особый мирный дух *alma mater*.

Как преподаватель, я находил в лице слушателей благодатную и отзывчивую почву для того, чтобы воспринимать мой предмет. Никто ни разу не сказал, что ему неинтересно. Наоборот, слушатели активно интересовались церковно-славянским языком.

III. Игорь Цезаревич Миронович

В 2011 году Епархиальные курсы понесли большую потерю. Почил один из самых любимейших всеми слушателями преподаватель, кандидат богословия, доцент, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии Игорь Цезаревич Миронович. Игорь Цезаревич преподавал на курсах «Священную историю Ветхого и Нового Завета» с 1993 года. Человек необыкновенной души, с любовью и вниманием относившийся к каждому слушателю. Каждому он мог сказать нужное доброе слово. Игорь Цезаревич учил истинному благочестию, учил любить и понимать Священное Писание. Хорошая память о нем осталась в душе каждого слушателя, хотя бы раз присутствовавшего на его лекции.

Игорь Цезаревич никогда не менял места своей работы и несколько десятилетий преподавал Библейскую историю на первом курсе семинарии. «Воцерковить поступивших и заложить в них прочный фундамент для их дальнейшего духовного развития», — так он понимал свою педагогическую задачу.

Метод преподавания И. Ц. Мироновича никого не оставлял равнодушным. Игорь Цезаревич никогда не пользовался конспектом лекций, ни даже тезисами к ним. Только Библия неизменно раскрывалась и звучала в аудитории, но зато как! Священные сюжеты были осмыслены и рассказаны так глубоко и вдохновенно, словно речь шла не просто о значимой для семинаристов информации, а о мистическом постижении и прославлении в слове Самого Бога! Иногда в его устах библейские цитаты звучали как литургическая и даже частная молитва! Он говорил буквально обо всем, но только Библию учил понимать и цитировать как главную и единственную на земле очевидность.

Игорь Цезаревич знал Священное Писание НАИЗУСТЬ. Это, безусловно, настоящий подвиг, который невозможно совершить без помощи Божией. А ведь он прекрасно знал также и богословскую, аскетическую традиции Церкви, обладал высочайшей подготовкой по предмету, который преподавал, и глубоко знал церковную историю.

Как педагог Игорь Цезаревич был уникален тем, что применял комплексный подход к изучению Священного Писания. Он вводил студента в живой мир библейского текста, в мир многообразия библейских смыслов, в мир, в котором по-настоящему встречаются лицом к лицу человек и Бог.

По материалам газеты «Одигитрия», №8(112), 2011

Фото: Ирина Капри

На 1-м курсе Семинарии Библиейскую историю преподавал Игорь Цезаревич Миронович. Он был одним из любимейших преподавателей всех студентов.

Полный, симпатичный, мудрый... Когда мы поступили в Семинарию, самый первый урок был именно его. Когда после урока прозвенел звонок, Игорь Цезаревич сказал: «Вот и прошел ваш первый урок. Вот так же пройдет и первый учебный год. А за ним и вся Семинария. А для кого-то и Академия. И так же быстро пройдет и вся жизнь. И вот вы встанете перед Богом. И что вы тогда Ему ответите? А?» Мы подавленно молчали.

* * *

На каждой парте у нас лежали Библии. На первом же уроке староста класса с двумя помощниками был отправлен в библиотеку, и оттуда на весь курс были принесены большие фолианты Библий. Для каждого.

Игорь Цезаревич говорил: «Открываем...» И открывал какое-то место. Мы открывали вместе с ним. «Читай», — обращался он к сидящему на первой парте, и тот читал фрагмент. «Вот!» — останавливал студента Игорь Цезаревич. «А вот теперь смотрите...» И толковал фрагмент. Мы, пораженные, слушали и изумлялись мудрости, звучащей из его уст. Поистине, любовь к Священному Писанию и изумление перед мудростью Библии я воспринял от него. Кстати сказать, в последние 10–15 лет Игорь Цезаревич преподавал не только в Семинарии, но и в других местах (на Богословских курсах, в Институте богословия и философии). Его лекции записывались, и сейчас их можно найти в интернете и в виде текста, и в виде аудиофайлов. Лучше послушайте аудиозаписи. Его голос, обаяние, теплота души очень чувствуются именно через живой голос.

* * *

Мы как-то спросили Игоря Цезаревича, почему он не принимает священный сан.

— Иди в библиотеку и принеси книгу: Святой Иоанн Златоуст. «Шесть слов о священстве».

Один из нас исчез за дверью.

— Так, — сказал Игорь Цезаревич, — читаем.

И он стал зачитывать фрагменты из книги Златоуста и с нами обсуждать.

— Какие требования! Как нужно жить, чтобы быть достойным этого сана!.. — Игорь Цезаревич вздохнул. — А вы говорите, почему не принимаю..

— Всё так, — говорим мы Игорю Цезаревичу, — но ведь Бог милостив, Он не требует от нас идеала. Да и достичь этого идеала практически невозможно. Что же, вообще без священников быть?

— Точно! — ответил Игорь Цезаревич. — Вы правы. Но всё равно страшно.

Священник Константин Пархоменко

На фото (внизу): слушатели 2 курса с Игорем Цезаревичем Мироновичем. Май 2010 года.

IV. Что значат курсы для выпускников

Как люди оказывались на курсах? Неисповедимы пути Господни! Кто-то узнал о них от знакомых, кто-то получил информацию на выставке. Одна слушательница нашла объявление о приеме на снегу монастырского кладбища... Люди стремились больше узнать об учении Православной Церкви, соединить отрывочные сведения в целостную систему знаний.

**ЗИНАИДА
АНАТОЛЬЕВНА
ГОЛЬЦОВА**
(вып. 1992 г.)

Я выпускница 1992 года. Долгие годы работала штатным сотрудником Отдела религиозного образования и катехизации. Обучение на курсах очень многое изменило в моей жизни и моем мировоззрении. Заставило относиться к себе более строго, и более мягко — к окружающим людям.

ИННА ЦУРИКОВА
(вып. 2007 г.)

Шёл 2004 год, август месяц. Я узнала о возможности обучения на Свято-Иоанновских Богословско-педагогических курсах. До начала занятий оставалось мало времени, а надо было еще успеть взять рекомендацию, заполнить анкету и пройти «собеседование-экзамен», на котором ты понимаешь — учиться надо!

Первая лекция оказалась по догматическому богословию (читал о. Вениамин) — главное не отвлекаться! Всю серьезность обучения я себе и представить не могла! Одной тетрадки на все лекции было явно мало. Бирюзовый зал помнят, конечно, многие. У меня он ассоциируется с Ареопогом, а лекции в нем — с проповедью апостола Павла. Моим излюбленным местом стала «галерка»: как будто паришь над всеми, да и преподаватель не часто голову поднимает. Так и началась моя новая учебная жизнь: вторник-пятница, вторник-пятница. В учебный процесс входили и благотворительные выставки на Рождество и Пасху, участие в которых нас радовало.

Запомнилась первая паломническая поездка нашего курса в восстанавливающийся храм в п. Карташевская. Мы приехали на Литургию. Батюшка, о. Николай Груздев служил не спеша, размеренно. В храме пахло елью (храм отапливался дровами), холод не ощущался — по улице ходили в свитерах. Служба закончилась часа в три дня, затем общая трапеза и отправление в Вырицу. По дороге в автобусе сначала читали молитвы, потом слушали православные песнопения. Атмосфера была очень дружественная.

К сожалению, учёбу не все могли продолжать, и от курса к курсу нас становилось все меньше и меньше — зато мы теперь почти все друг друга знали. Были радостные события: рукоположение во диакона, свадьба сокурсников, и много других важных и судьбоносных моментов. Мы все за них радовались и сопереживали, и это нас все больше объединяло.

Большое спасибо преподавателям — их трудами мы узнали боль-

ше о вере православной. Я помню их всех, но особое уважение и восхищение у меня вызывают Игорь Цезаревич (вечная ему память), два о. Михаила (о. Михаил Петропавловский и о. Михаил Преображенский), Александр Васильевич Маркидонов.

**ЮЛИЯ
ШМИГАЛЬСКАЯ**
(вып. 2008 г.)

Катехизаторская деятельность не стала моей новой профессией, но я приобрела нечто гораздо более ценное, чем профессия.

Обретение веры в зрелом возрасте в каком-то смысле катастрофа: рушится прежнее мировоззрение! Освоение и усвоение нового мировоззрения — задача трудная и не в одночасье решаемая, с ней не справиться в одиночку без мудрого руководителя и помощника. Курсы и стали для меня таким руководителем и помощником. Весь багаж моих знаний и представлений нуждался в переосмыслении. Программа курсов, широта поднимаемых тем и глубина их рассмотрения вполне этому соответствовали. История, литература, искусство, отношение с окружающими людьми обретали новое, истинное звучание. Истинное значит прекрасное. Открывалась красота необъятного Божьего мира. Вот за это — огромное спасибо, низкий поклон преподавателям и организаторам Иоанновских курсов!

Думаю, для нашего города ежегодное количество выпускников — капля в море, но пусть эта капля непременно будет. Ведь и капля может море освятить!

АЛЕКСАНДР ПОПОВ (вып. 2008 г.)

Сказать, что Свято-Иоанновские курсы мне «понравились» — это не сказать ничего. Курсы имели важное значение в моей судьбе, причём, это относится не только к самому учебному процессу и, если смотреть ещё уже, к транслируемому от педагога к ученику знаниям — нет, важным было и общение с братьями и сёстрами во Христе: учащимися, преподавателями, сотрудниками... В этом продолжительном, порой трудном, но благодатном опыте реально становишься причаст-

ным той внехрамовой литургии, «общему делу», о котором столь часто говорится. Тут оно оживает, становится действительно и действенным: и в лекциях и семинарах, и в совместном создании стендов, и в помощи на выставках, дежурстве по уборке, и посещении Блокадной больницы, да и просто в содержательных беседах за чаем. Здесь, находясь среди единомышленников, обретаешь настоящих друзей — и более чем друзей. Не секрет, что многие приходят на занятия не в последнюю очередь ради общения.

Именно на Свято-Иоанновских курсах я познакомился со своей будущей

супругой, хотя до этого в течение некоторого времени мы были прихожанами одного храма. А тут, слава Богу, осознали, насколько мы, действительно, единомышленны и любим друг друга. В итоге уже после первого курса появилась «домашняя церковь» — наша семья. А на выпускной экзамен приехал (вместе с мамой) и наш полугодовалый первенец.

На курсах учились и учатся наши друзья и знакомые.

Конечно, само обучение тоже весьма и весьма существенно. Как всегда, были любимые преподаватели; часть из них продолжает трудиться и сегодня. Перечислю лишь некоторых, наиболее запомнившихся: это отец Михаил Преображенский, отец Михаил Петропавловский, отец Димитрий Симонов, отец Александр Михеев... А незабвенный Игорь Цезаревич — личность поистине легендарная! Послушаешь его лекции — и явственно понимаешь, что «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности...» (2 Тим. 3:16). И ещё — Александр Васильевич Маркидонов. Его лекции по истории Церкви, а особенно — по сложным вопросам христианского вероучения я прослушивал в записи несколько раз. При этом открываешь для себя всё новые и новые глубины вероучения...

Итак, курсы являются не просто расширенным вариантом «воскресной школы для взрослых» — они своего рода трамплин, стартовав с которого, можно приложить все свои силы для служения Богу в Его Церкви.

ЕВГЕНИЙ ВОЛОБУЕВ (вып. 2008 г.)

Мой путь к Православию по-настоящему начался в 2004 году, когда переступил порог Свято-Иоанновских богословско-педагогических курсов. Мне было 30 лет, и я серьёзно задумывался об извечных вопросах смысла жизни. Несмотря на крещение в детстве и называние себя православным, в церковь не ходил и толком ничего о ней не знал. Да и православие казалось чем-то средневековым и непонятным. Поэтому на курсы я пошёл, как ни странно, не для того, чтобы стать верующим христианином. Для меня было важно подтвердить или отвергнуть для себя мои негативные мысли о православии. Я был почти уверен, что подтвердится первое, и я со спокойной совестью буду искать «живого

Бога», что бесспорно привело бы меня в одну из протестантских общин.

Но вот первый шаг сделан. Меня зачислили на факультатив «Основы православной веры», так как к курсам я пока не был готов. После нескольких первых уроков у меня уже не осталось никаких сомнений, что я останусь в православии. Окончив годичное обучение на факультативе, я продолжил обучение на трёхгодичных курсах.

Невозможно оценить тот вклад, который в формировании моей личности произвели организаторы и преподаватели курсов. Бесценную информацию о Боге, Церкви, человеке, истории и многом другом не нужно было усваивать, она сама ложилась в незаполненные тайники сознания, производя там полное переосмысление существующих ценностей.

Благодаря курсам я стал верующим православным христианином. Сейчас я служу пономарем в храме «Спаса Нерукотворного Образа на Дороге Жизни», преподаю в детской воскресной школе, моя семья стала христианской, сама жизнь изменила качество, в ней появился смысл.

Огромное спасибо курсам за то, что моя жизнь теперь связана с Богом и Церковью, за уникальный опыт начального богословского образования. Не знаю ни одного выпускника, который бы не вспоминал время обучения на курсах с огромной теплотой и любовью. Ручеёк, истекающий из стен курсов, со временем стал огромным морем православных христиан, которые продолжают миссию распространения православной веры в современном мире.

ВЕЛИЧКО ТАТЬЯНА

(вып. 2005 г.)

В этом году исполнилось 6 лет, как я закончила Свято-Иоанновские богословские педагогические курсы.

Иногда знакомые и друзья задают мне вопрос, зачем ты училась на курсах. И действительно, зачем? Три года бессонных ночей, переживаний. К моменту поступления на курсы мне было уже почти 50 лет. Моя жизнь вполне сложилась. Но тогда в 2002 году этот вопрос не стоял. Я услышала о курсах по радио «Град Петров» и в одно мгновение решила на них поступать. И по великому Божьему чуду поступила. Курсы захватили меня полностью. Я просиживала сутками за книгами и курсовыми. Учиться мне было чрезвычайно интересно. Я, как голодный зверь, с жадностью поглощала всё, что мне предлагали на курсах. 3 года учебы пролетели мгновенно.

На курсах я познакомилась с интересными благочестивыми людьми, получила теоретические знания о правильном духовном пути. Благодаря курсам я и мои близкие стали жить более интенсивной церковной жизнью.

По окончании курсов мне повезло найти отца Валериана Жирякова в храме св. Евгения при больнице св. Евгения (центра реабилитации блокадников; верхнее фото) и помогать батюшке духовно окормлять пожилых больных людей. Эти люди, стоящие уже на пороге вечности, очень нуждаются в такой помощи. Они задают разные вопросы о вере, о Боге, о Церкви, о спасении. По мере моих знаний, полученных на курсах, и небольшому опыту церковной жизни, я отвечаю этим людям. В ответ же получаю слова благодарности и вижу глаза этих людей, полные слёз, радости и какой-то далёкой грусти.

СВЕТЛАНА ЗАВЬЯЛОВА

(вып. 2003 г.)

Первый день принёс мне радость от того, что есть такие замечательные

курсы, и огорчение от собственной глупости. Я видела вокруг себя так много умных и общительных людей, чувствовала себя первоклашкой и думала, что никогда не напишу ни одного реферата, не сдам экзамены и пр. Дело в том, что в юности я училась с удовольствием, а потом как засела дома с детьми, так ничего кроме дома и не видела. Я даже не подозревала, что за 10 лет можно все растерять. Поплакав, я взялась навёрстывать упущенное. Почти не пропускала занятий, постепенно после домашней вольницы входя в ритм обязательных действий. Возвратившись домой, я по тетрадям воспроизводила для своих домашних текст лекций. Иногда брала на занятия старшую дочь, особенно на лекции по литературе Ольги Борисовны Сокуровой. Сразу же мы все стали участвовать в выставках. Я безмерно благодарна отцу Александру Зелененко и отцу Михаилу Петропавловскому за идею фотовыставки. Я фотографировала с детства, но не имела никакого практического выхода. Может быть, в одиночку даже гордилась своими фотографиями. А тут я увидела, что другие люди тоже умеют фотографировать. На курс старше меня училась

Лариса Маркова, она очень одобрила мои снимки. Но она точно также радовалась и чужим фотографиям. Вы не поверите, но вот эта-то радость о чужом успехе произвела переворот в моей душе. Воспринимать другого человека не как конкурента, а суметь обрадоваться, когда он что-то сделал лучше меня — это потрясающий подарок, которому я обязана курсам.

Вот так постепенно, год за годом менялась душа, освобождаясь от мифа о своём уме и таланте. Ум и способности, замкнутые в эгоистической оболочке, абсолютно бесплодны и служат гордыне. Но как трудно сначала увидеть свои несовершенства, а после захотеть меняться! Как благодарна я всем нашим замечательным педагогам, сопровождавшим нас на этом спасительном пути!

Я сознательно не перечисляю сейчас имён педагогов и не говорю о пользе образовательного процесса, во-первых, потому, что считаю главным образование души, т. е. сохранение образа, а во-вторых, пусть о практической целесообразности занятий говорят сами наши дела.

Десять лет я занимаюсь организацией фотовыставки. У нас сложился прекрасный дружный коллектив единомышленников, понимающих друг друга с полуслова. Наш коллектив — выпускники и нынешние учащиеся курсов. Мы вместе радуемся хорошим фотографиям, придумываем способы оформления и размещения снимков. Но основная часть работы — дежурство на выставке, экскурсии, помогающие раскрыть концепцию выставки, беседы с посетителями. В живом об-

щении приобретает навык катехизаторской работы. Скажу о себе: первые выставки я выдерживала с трудом, считая минуты до окончания отведённого времени, иногда, завидев посетителя, пряталась за ширмой, не в силах заставить себя заговорить с ним. Проблема общения была у меня с детства. Теперь, когда я рассказываю об этом, мне не верят. Пришлось сильно менять себя, чтобы заниматься тем, что приносит радость. Выставка объединила и заняла всю мою семью. Муж везёт коробки с фотографиями, выгружает их, посещает выставку, когда уже всё развешено и увозит, когда всё закончится. Дети мои выросли на выставке, ежедневно дежуря весь период, мама подменяет нас, отпускает обедать.

Выставка — это целая эпоха жизни. Однако она ограничена десятью днями в году. Как в остальное время я использую уроки курсов? Лето с детьми провожу в Карелии в православном лагере Успенского прихода г. Кондопоги. Там работаю воспитателем, режиссёром, руководителем фотокружка. Вот уже десятый год мы обсуждаем наши летние планы и сценарии с о. Львом Большаковым, настоятелем Успенского прихода. В течение года преподаю историю и культуру Санкт-Петербурга в Доме Детского Творчества, работаю фотокорреспондентом и журналистом газеты «Спасо-Парголово-Листок», в выходные дни вожу экскурсии по храмам Петербурга, делаю фотографии для раздела новостей журнала «Вода Живая». Считаю, что именно благодаря нашим замечательным курсам, для меня стала возможна вся эта деятельность.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕРЕХОЖУК

С 1992 года Николай Андреевич начал воцерковляться, изучал труды святых отцов, помогал в восстановлении Благовещенского собора на Васильевском острове, в строительстве храма во имя Державной иконы Божией Матери на проспекте Культуры.

В 1999 году Николай Андреевич был награжден Патриаршей грамотой за участие в возрождении Свято-Никольского храма, старостой которого он был в те годы, в городе Полярный-Александровский. Благодаря его стараниям при епархиальных Свято-Иоанновских богословско-педагогических курсах была организована книжная лавка православной литературы. Николай Андреевич внимательно следил за всеми изданиями, старался обеспечить курсы необходимой литературой, охотно откликался на просьбы и мог исколесить весь город в поисках книги, необходимой лишь одному слушателю курсов. На слова же благодарности отвечал: «Благодарите Господа нашего Иисуса Христа». Он служил Богу своим трудом. Николай Андреевич хорошо знал литературу по классическому богословию и прекрасно ориентировался в книжных новинках. На педагогических курсах его все любили за доброе сердце и скромность, за умение посочувствовать, помочь, утешить.

Николай Андреевич погиб в автомобильной аварии 19 сентября 2007 года. «Он был воин Христов, — сказала одна прихожанка, — а на войне, как известно, погибают».

V. Новый этап в жизни курсов

В 2011 году Синодальным Отделом религиозного образования и катехизации было осуществлено преобразование структуры епархиального отдела и работы курсов.

На должность Председателя отдела религиозного образования и катехизации СПб Митрополии и Руководителя Епархиальных курсов религиозного образования был назначен Преосвященнейший Амвросий, епископ Гатчинский.

О новых задачах и перспективах Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского рассказывает в интервью курсовой газете «Свеча» заместитель Председателя Отдела религиозного образования и катехизации иерей Илия Макаров.

Цели наших Курсов понятны и естественны для современной жизни. Мне хотелось бы именно так говорить — «наших Курсов», потому что они изначально создавались, как общая потребность и мирян, и духовенства, и многие церковные энтузиасты Санкт-Петербурга за последние 20 лет проходили свое обучение здесь. Так было и 20 лет назад, так есть и сейчас. Главное, что слушатели Курсов, вне зависимости от степени личного воцерковления, социального статуса, досуговых интересов и даже жизненной обеспеченности, проходили определенный, важный, не всегда легкий, но неизменно полезный этап своего духовного становления. Так говорят сами слушатели, и это — не лукавство, а реальность, которая стала возможной, потому что желания педагогов и слушателей — через процесс православного образования приблизиться к пониманию своего внутреннего мира и происходящего вокруг нас — совпали. Творческая инициатива захлестнула отцов-основателей Курсов в 1991 году, и на этой же волне мы движемся до сих пор. Пробудить в человеке желание религиозного самопознания, вовлечения в православную культуру, изучения святоотеческого мировоззрения и последующего устремления к тому, чтобы поделиться накопленным опытом, помочь Церкви в христианской миссии и катехизации — вот те цели, которые стоят перед нами, какие бы «вызовы времени» не преподносила нам современность.

Мы не можем предугадать, как сложится судьба наших слушателей после окончания обучения на Курсах — станут ли они деятельными помощниками на приходах, православными педагогами или воспитателями подрастающего поколения? Но с уверенностью можно сказать, что искренне воспринимающий опыт православных педагогов слушатель уже одним своим существованием в нецерковной среде

Лучшие статьи

Почему у верующих родителей дети становятся неверующими

Православные родители через Церковь и Священное Писание обретают смысл бытия на земле. И по любви своей к детям стремятся и их ввести в Благодать Божию, зажечь в их сердцах огонёк веры. Родительское сердце горит желанием привлечь детей к Богу. Почему же при всём желании верующих родителей их дети не всегда обретают веру в Бога? В чём причина ухода детей из Церкви?

Верующие ли мы?

Основное влияние на воспитание детей оказывают родители. Если сам родитель целен, состоянием души и его действий не противоречат друг другу, то это влияние будет иметь большую положительную силу. Но в жизни согласие в семьях — редкое исключение. Почему так получается?

Возможно, нам только кажется, что мы имеем истинную христианскую веру. Возможно, мы заблуждаемся относительно своего благочестия и тогда вместо того, чтобы приводить ребёнка к Богу, вводим его в искушение. Как же определить своё духовное состояние? Могут помочь сами дети. Чем страдает ребенок, тем страдаем и мы, только в более скрытой, социально адаптированной форме.

Глубина и чистота нашей веры могут страдать по причине непонимания своего духовного состояния, по нежеланию сменить свою волю на волю Христа. Часто нет связи поколений в вере, а с другой стороны атеизм изживается очень медленно. Родителям трудно даётся приобретение духовного опыта, а их воцерковление не сопровождается познанием истин христианской веры. Либо родители воцерковились, когда ребенок был уже большой, либо в воспитании ребёнка были допущены серьёзные ошибки.

Я грешен?

Одна мама удивляется: «Вот соседи у меня в Бога не верят, но почему-то у них дети хорошие. А я старалась и воспитывать и обучать своего сына, и в церковь водила, о Боге, о вере ему рассказывала, а он у меня одно расстройство. Я уже просто измучилась, скандалим каждый день».

Почему же верующей маме Господь попустил иметь ребенка и неверующего и непослушного?

Страсти, которые могут скрывать глубоко в душе у родителей, не имея условий проявиться, могут восприниматься как отсутствующие вообще. И тогда можно возмечтать о себе как о праведнике, впасть в прелесть и погибнуть. Поэтому Господь, из любви к нам, посредством непослушания наших детей, помогает обнаружить наши немощи, чтобы они стали явными и мы могли бы их исправить и спастись.

Значит, проявление духовных несовершенств ребенка помогает нам определить наше духовное состояние. Если родители смиренно принимают скорбную ситуацию, видят за событиями промысел Божий, то могут исправить и себя, и ребёнка.

Гораздо сложнее, когда родители предполагают, что в плохом поведении ребёнка виноват только он сам.

Такой родитель лишает ребенка всепрощающей и милующей любви своей, возвышает себя. Эгоистическим упорством в личной непогрешимости он разделяет домашнюю Церковь и теряет её, потому что Церковь — это община, созидаемая на вере и любви к Богу и к ближнему. Признавая ребенка грешником, а себя невинным страдальцем, родитель свидетельствует о своём сердечном ожесточении и о том, что называя себя верующим во Христа, на самом деле далёк от Него.

Христос умер за нас грешных, но трудно сказать: «за меня, я грешник». Перед внутренним взором наши заслуги, труды, посты и молитвы. Не случайно мама сравнивает себя с соседкой. Ей кажется, что она лучше постаралась узнать, как воспитывать ребенка и больше потрудились в этой области. Она чувствует своё превосходство, и в её вопросе звучит подтекст: почему у меня такой замечательной плохой ребёнок, а у соседки, которой далеко до меня, хороший?

Как ни прискорбно, но тяжёлый родительский труд, не освящённый жертвенной христианской любовью, приносит ребёнку не пользу, а вред. Верующие же родители видят свои ошибки и несовершенства, поэтому никогда не станут настаивать на том, что они всё сделали хорошо.

Созерцание и делание

Во время литургии малышей, показывая куда-то в пустоту, допытывался у мамы: «Мама, а он тоже молится?» Мама удивлённо вопрошала: «Где? Кто молится?» Мальчик опять показывал ручкой и шептал: «Да вот же, мама». Мама приседала, присматривалась, куда показывал ребенок, но никого не видя, опять переспрашивала: «Где? Кто?» «Мама, да вот этот, с ленточками». А потом вдруг неожидан-

но замолчал, словно кто-то ему сделал знак тишины, и он послушался.

Духовность свойственна человеку по природе, но надо помогать ребёнку в осознании её как первенствующей. Ребенок должен находиться в мире, обращённом к Богу, в котором все осмысливается и подчиняется духовным законам, чтобы он мог из него черпать необходимые ресурсы для переживаний и осмыслений.

Ребёнок растёт, познаёт способы выражения веры, познаёт Церковь с её таинствами, обрядами, обычаями, искусством, пением, лексиконом. Он оценивает церковный мир, примеряет его к себе. Дети по-разному воспринимают этот мир. Многое зависит от того, насколько сама семья ребенка усвоила его себе. Если жизненный уклад семьи органичен с жизнью церковной, то и ребёнок переживает это как естественный и радостный образ жизни. Если в семье нет согласия и каждый занимается по отношению к церкви индивидуальную позицию, то и отношение ребенка к ней будет весьма критично.

Но даже если и всё благополучно, ребёнок ходит на Богослужения, читает молитвы, участвует в жизни Церкви, родители должны быть внимательны к тому, чем мотивированы действия ребенка. Накопление навыков заключается в себе большую опасность и часто ведёт к механизации действий, к замиранию религиозной жизни.

Область Богосознания невозможна без молитвы, без духовного делания, а это сопряжено с постоянным внутренним усилием. Неизбежность труда души (покаяние, молитва, приобретение знаний) делает эту область маложеланной. Ленивая душа человека стремится избежать труда и довольствоваться созерцанием и знанием обрядов. На этом могут замереть и сами родители. Тогда понимание веры ребёнком может остаться в области эмоциональной или в области внешних действий, дающих душевное удовлетворение. Или же, не получая истинного религиозного удовлетворения, ребёнок откажется от веры родителей.

Вера в Бога как живое проявление живой души не статична, она может то возрастать, то убывать. Но родители, заметив спад интереса у ребёнка к церкви, начинают форсировать события: усиливают понуждение к молитве, к хождению в церковь, посещению святых мест. Пытаются настаивать, уговаривать, убеждать и своим натиском подавляют нарождающуюся веру у ребёнка.

Опасно подгонять детскую веру под определённые образцы. Например, родителей смущает, что чей-то ребёнок стоит всю литургию, а их собственный еле до причастия доходит, и ополчаются за это на него.

Бывает и такая крайность, когда всё отдается на волю Божию; родители считают, что Бог всё управит. И что ребёнок вырастет и решит сам, как ему поступать.

Есть ещё важная тонкость: нельзя воспитание веры ребёнка ставить рядом с общим его воспитанием и образованием. Мама говорит о развитии интеллекта и способностей ребенка, и только затем о вопросах веры. И то и другое она помещает в один ряд, а это большая ошибка. Область воспитания тела и души лежит в земном аспекте и поддается общепринятым воспитательным методикам. А дух, хотя и соприкасается с телом и душой и освещает их, не подлежит земным законам.

Но часто родители, лично испытав радость воцерковления, спешат привести к подобному состоянию и ребёнка, но, не обретя ещё навыков духовной жизни, используют методы такие же, как и при воспитании души и тела. По истечении времени, не видя желаемого результата, проявляют ещё большее давление, чем окончательно отворачивают ребёнка от Бога и от Церкви.

Причина ошибок

Мама выросшего чада с болью жалуется, что у него в жизни большие проблемы. Говорит, что она старалась привить ему веру в Бога. Маленький он слушался, но сейчас ему ничего нельзя сказать, всё воспринимает в «штыки». Не желает слушать не только о Боге, но даже о простых житейских вещах. Она видит его ошибки и

знает, как помочь, и горячо желает этого. Мама восклицает: «Если бы он меня послушал, то всё бы в его жизни было хорошо!»

Работая в воскресной школе, мне нередко приходится слышать такие жалобы. Человек жалуется, слёзы текут по щекам, но порой у меня не только не возникает чувства жалости, а наоборот, хочется уйти от беседы и защититься от этого собеседника. От него может исходить странный внутренний напор, который можно было бы расценить как скрытую агрессию. Но это не желание причинить вред собеседнику, это лишь желание, чтобы услышали его мысль и его мнение, но с непременным условием: услышали — и приняли!

Для такого человека вопрос обусловлен лишь стремлением высказать свой ответ и усвоить другому своё мнение. В примере мама не ищет выхода из ситуации, ей только необходимо подтверждение её правоты. При этом явственно чувствуется, как её собственная воля превалирует над волей ребёнка. Его волеизъявление она даже в расчёт не берёт. Возникает ощущение, что она свою волю принимает за волю Божию.

Своеволие — начало всех проблем. Уверовав во Христа и даже достаточно долго находясь в лоне церкви, мы так и не научаемся отличать свою волю от воли Творца. Свою церковность мы делаем царским тронem, с которого судим весь мир. Догмами служит собственный духовный опыт, заповедями — наши убеждения, церковный устав — тоже наш собственный, любовь к Богу замещается любовью к себе, изживание собственных грехов — личной непогрешимостью, а любовью к ближнему становится неусыпное наблюдение за каждым его словом и действием.

Но невозможно впихнуть в человека свой собственный опыт. Господь ценит человеческую богоподобную личность и обращается к нему со словами «если хочешь». Он не заставляет насильно любить Его и верить в Него. Он желает, чтобы всё это было сотворено добровольно.

Родители же, часто оставляя в неприкосновенности себя хороших, позволяя себе «милые особенности» характера, предъявляют к своим детям самый высокий эталон святости. Но святости не той, которую показал Христос, и не той, которую явили святые отцы, а той святости, которую мы сами придумали. Допускаются и по-

слабления, но только в той степени, которые допускаются нами.

При этом самостоятельное узнавание ребёнком Бога путём проб и ошибок повергает нас в ужас. Вообще самостоятельное видение им жизни кажется нам катастрофой. Своевольный родитель пытается вновь и вновь доказать ребёнку, что его решения ошибочны, что результаты его поступков могли бы быть гораздо лучше, если бы он послушался его совета.

Пока ребёнок маленький, он в целях безопасности старается не провоцировать родительское возмущение, ходит, хоть и формально, в церковь, стоит на молитве. В нём может пробуждаться и искренний интерес к вере, но поддержать его, помочь обрести ребёнку первый опыт богообщения своевольному человеку не под силу.

Верить и любить насильно невозможно. И чем больше насилие в этой области, тем больший урон наносится. Похоже на действия медведя в сказке, который, пожелав, чтобы скорее выросла репа, ползал по полю и своими грубыми лапами подтягивал её за ботву, принося непоправимый урон молодой поросли. Повезло только тем, которых он обошёл своей заботой.

Вырастая, ребёнок бежит от церкви как от огня, видя в ней лишь сплошное насилие. И тут духовные последствия могут быть самые тяжёлые: от полного атеизма до ухода в различные секты.

Преодоление

Увидеть своё своеволие сложно, тем более, если длительное время оно осознавалось как воля Божия. Но начать необходимо именно с её умаления.

Постараемся разогреть любовь к ребёнку: вспомним, как ждали его рождения, какой забавный был он маленький. Умилимся сердцем, что Господь дал нам возможность стать мамой или папой. Вспомним своё детство, сколько мы сами совершали ошибок, но как нас простили и любили.

Простим ошибки ребёнка, постараемся разглядеть причину их в собственном поведении. Так оно и есть. Ни одно наше действие не проходит бесследно и ни одна мысль не уходит, не изменив мира вокруг.

Вот уже и начало покаяния.

Дальше сложнее: видели ли мы своего ребёнка как чадо Божие или усваивали его только себе? Воспитывали ли мы его как ходящего перед Богом, или только надсматривали, чтобы он не отступил от наших повелений?

Это легко проверить. Если мы воспринимали замечание ребёнку как личное оскорбление, а похвалу как комплимент себе, если любой совет со стороны казался нам посягательством на родительскую непогрешимость, а недруг ребёнка становился личным врагом — значит, ребёнок для нас был и есть не более чем наше продолжение. Моё «я», простёртое на два тела.

Совсем другое родительское состояние, если мы истинно православные христиане. Тогда ребёнок — бесценная самостоятельная личность, вверенная нам Богом для воспитания. Мерилом становятся не наши убеждения, а заповеди Божии. Огромная ответственность за чадо перед Творцом заставляет нас критично относиться к себе и начинать воспитание с себя. Мы понимаем, что если тот или иной грех не изживём, то непременно передадим его ребёнку. И родители медленно, но верно начинают двигаться по пути истинной жертвенной любви, изживая столь любимую нами самость и возвращая послушание церкви и Богу.

Один ребёнок это всегда утеха. Одного легче подогнуть под себя, при этом не уставая сгибаться перед ним и выращивая «домашнего царька». Поэтому первая жертва, побеждающая нашу любовь к себе, это рождение следующих детей. Вот тут уже легче бороться за свою духовную свободу.

Безусловно, двое и более детей не являются гарантом нашего спасения и развития веры в Бога у детей. Предостаточно причин для самовозвеличивания и в семье многодетной. Но: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам» (Ин 15:13–14).

*Наталья Шкринда,
выпускница 2011 г.*

БАБУШКА, А ПОЧЕМУ? или разговоры с внуками

Новый танк

Коля с Ваней играют на детской площадке, а я сижу невдалеке от них на скамеечке, жмурюсь от яркого весеннего солнышка и думаю: «Какие они разные. Коля — общительный, любознательный, но обидчивый, рассеянный и очень вспыльчивый, даже гневливый. Как старший, естественно, хочет и старается добиться, чтобы Ваня его во всем слушался, но для этого у него недостает твердости. Ваня более сосредоточен, с сильным характером и в то же время добрый, поделчивый. И только небольшое дополнение портит все: он — маленький упрямый ослик. Ванины ответы на все наши предложения неизменно начинаются со слов: «нет», «не буду», «не

хочу». При таких различиях у братьев часто вспыхивают ссоры, нередко заканчивающиеся откровенной дракой. Дело усугубляется еще ревностью со стороны Коли, которому, начиная с трех лет, приходится делить мамину любовь с младшим братом.

Мне на всю жизнь запомнились слова моей мамы из моего детства, перевернувшие все отношения с моим младшим братом: «Как хорошо, что у тебя есть брат! Когда тебя нет, он все время спрашивает, где ты, ждет, когда ты придешь. Он тебя так любит!»

Ваня и в самом деле без Коли скучает, радуется, когда он приходит из садика, подражает ему. Любые, даже самые скупые проявления Ваниной любви к старшему брату, я, помня ма-

мину науку, доношу до Коли в разных вариациях, и, мне кажется, это очень смягчает их отношения.

Мои раздумья прерываются громкими криками, доносящимися с площадки. «Ну вот, начинается!» — огорчаюсь я, бегу к песочнице, где братья, вцепившись руками в новенький, подаренный мною Ване танк, яростно тянут его каждый в свою сторону, как два цыплёнка червяка. Увидев меня, Коля выпускает танк из рук, видимо, осознав свою неправоту: танк-то Ванин. Ваня шлёпается на землю и, не раздумывая, с размаху бьёт танком Колю по голове. Я ахаю, подсакиваю к Коле: у него на затылке буквально на моих глазах растёт большая шишка, а из под содранной кожицы сочится кровь. Я в ужасе кричу Ване:

— Ты видишь, Ваня, что ты натворил?

Ваня, увидев кровь, роняет танк, бросается к Коле с отчаянным воплем, протягивая вперёд руки:

— Коля, прости меня! Прости меня, Коля!

Коля, к моему несказанному удивлению, тоже вытягивает руки навстречу Ване — со стороны это выглядит немножко театрально — и кричит сквозь рыдания, роняя частые, крупные слёзы:

— Я прощаю тебя, Ваня!

Потрясённая этой душераздирающей сценой примирения, закончившейся взаимными объятиями, я ограничиваюсь несколькими нравоучительными словами, достаю из сумочки носовой платок и бактерицидный пластырь, солидные запасы которого у меня всегда при себе, и залепляю Колину рану. Ввиду воцарившегося мира между братьями, я разрешаю им еще немного побыть на улице, а сама в изнеможении опускаюсь на скамейку. «Два внука, — думаю я, — это не вдвое тяжелее, чем один, а вдесятеро. Такая вот неправильная арифметика».

Когда мы собираемся уходить домой, выясняется, что Ваня потерял свой новый танк. После долгих совместных поисков я нахожу его в густой траве и в сердцах говорю:

— Всё, Ваня, не видать тебе танка, как своих ушей, я его забираю насовсем! Оставил новенькую игрушку в траве и не помнит даже где!

Ваня поворачивается к нам спиной и медленно идет куда-то вдаль, время от времени отмахиваясь рукой и всхлипывая. Мы с Колей смотрим ему вслед. «Эдак он далеко уйдёт. Как же быть?» — мелькает у меня в голове.

И тут Коля тихонько говорит:

— Да отдай ты ему танк, бабушка.

Капризка

— Ваня, собирайся, мы пойдем гулять.

— Я не хочу гулять, — твёрдо заявляет Ваня даже не поднимая головы.

— Ты только посмотри, Ваня, — я стараюсь придать своему голосу как можно больше радостных ноток, — какое солнышко на улице! Коля уже одевается.

— Не пойду, я буду рисовать.

— Мы же договаривались, что будем рисовать все вместе после прогулки.

— Нет, я хочу сейчас.

— Пойдем, Ваня. Давай я помогу тебе надеть свитер...

— А-а-а-а!

Я отступаю вместе со свитером. Ох, уж этот Ваня! Ну что ж, у нас с Ваниной мамой есть действенная вырубалочка для такой патовой ситуации. Я начинаю издали:

— Коля, посмотри, наш Ваня был такой хороший, послушный, а теперь вдруг стал плохой. По-моему, он опять проглотил капризку. Наверное, стоял где-то с открытым ртом, она и залетела.

Ваня настораживается. Я продолжаю:

— Придется нам её выгонять. Ваня, выбирай, чем мы будем выгонять капризку: ремешком, прутиком или крапивой?

Но и Ваня не льком шит, у него заготовлен свой ответ на наши хитрости:

— Я сам её буду выгонять.

— Хорошо, Ваня, выгоняй сам, я только форточку открою, чтобы капризка улетела от нас подальше.

Я иду к форточке, а Ваня предусмотрительно открывает рот и шлёпает себя ладошкой по тому месту, по которому надо бы хорошенько пройтись ремешком. Но я ещё не догадываюсь, какая опасность подстерегает меня с другой стороны. Коля заинтересованно проследживает глазами путь от Ваниного рта до форточки. Ничего такого не заметив, он скептически спрашивает:

— А как ты, бабушка, узнаешь, что капризка вылетела?

— А это мы сейчас проверим. Если Ваня пойдет одеваться, значит, вылетела, а если нет, то придется идти за ремешком, — находчиво говорю я.

— Уже вылетела, — сообщает Ваня и начинает надевать свитер.

— А почему же я ничего не видел? — Колю не покидают смутные подозрения, что тут что-то не так.

До сих пор он таких вопросов не задавал и я понимаю, что отмахнуться от них нельзя, дело серьёзное.

— Как же ты, Коля, мог увидеть капризку, если она невидимая? И потом, ты уже большой и должен догадываться, что такое капризка на самом деле. Или, вернее, кто? — я понижаю голос до шепота.

— Бес, что ли? — у Коли округляются глаза.

— Ну конечно, это бес. Это он нашептывает нам всякие плохие советы, толкает на дурные поступки и капризы, а иногда и сам может войти в человека. Сейчас я найду книжку, в которой показано, как Иисус Христос выгоняет бесов из такого человека.

Я открываю книгу, где на репродукции храмовой росписи XI–XII вв. изображена притча об исцелении бесноватого. Древний иконописец по-детски просто, как будто специально для нашего случая изобразил момент исцеления: изо рта бесноватого выпрыгивают маленькие дымчатосизые фигурки с рожками и хвостиками.

— Вот, смотрите сами, — торжественно говорю я, — бесы по слову Иисуса Христа вышли из человека и вошли в стадо свиней. Свиньи сразу взбесились, побежали к обрыву и упали в море.

Коля с Ваней оторопело смотрят на изображение.

— Рты-то закройте, а то неровен час...

Рты закрываются как по команде.

Про бесов мне в тот день было задано великое множество вопросов, а книга с изображением их изгнания востребована неоднократно.

*Лариса Калюжная,
выпускница 1996 г.*

В декабре 2011 года воскресная школа при храме Святого пророка Или на Пороховых праздновала своё 20-летие. Епархиальными наградами были отмечены руководитель школы протоиерей Игорь Александров и преподаватели, много лет воспитывавшие детей.

Высокой церковной наградой — медалью Святого первоверховного апостола Петра — была награждена Лариса Ильинична Калюжная в благословение за усердные труды во славу святой Церкви.

«Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф.6:21)

Моя мама вот уже 48 лет работает врачом онкологом. А когда-то в девяностых годах, я и сам, будучи студентом медицинского института, проходил практику в стационарах нашего города, в том числе и онкологических (ныне называемых хосписами), для людей с последней и уже неизлечимой стадией рака. Мне неоднократно приходилось подолгу разговаривать с такими пациентами, и я вполне отчетливо представляю себе специфику общения с людьми, делающими свои последние шаги в земной жизни.

Воцерковившись более 10 лет назад и ныне исполняя послушание пономаря в Спасо-Преображенском храме Гатчинского района, я нередко бываю с настоятелем храма отцом Сергием Барышевым в близлежащей больнице посёлка Сиверская и в психиатрической больнице посёлка Дружноселье. Мне часто приходится беседовать с больными, отвечать на их вопросы, рассказывать им о Православии.

Многие из этих людей, будучи крещёными в детстве, прожили всю свою жизнь в светном удалении от Церкви. Некоторые являлись несчастными «захожанами» и бывали в храме лишь для того, чтобы «поставить свечку». Причастия же не получали по многу десятков лет, а иногда и всю жизнь. И называя себя верующими, они не имеют представления о том, что всю жизнь исповедали один из худших видов обрядоверия, ничего не имеющее

общего с Истиной. А иные и вовсе не крещены...

Всех этих людей объединяет одно. Все они удивительным образом чувствуют скорое приближение смерти. И сердцем и разумом их исподволь овладевает страх. По моим наблюдениям, страха не имеют лишь мёртвые сердцем люди, чья душа при жизни не носила Духа, те, кто сознательно не переступал церковной ограды и не призывал имени Божьего, а зачастую и хулил Его. Но у Бога мёртвых нет, и даже закаменелые в нелюбви и неверии люди изредка, но интересуются: а что же будет там, за порогом земной жизни?

В медицине, как и авиации, есть страшный термин — «точка невозврата». Лечащий врач понимает, что все медицинские возможности исчерпаны и пациент уходит. Его физическая смерть вопрос ближайшего времени. Счет пошёл на месяцы, недели или часы. Может быть, я поступаю излишне жёстко, но если пациент сам чувствует приближение смерти (речь, конечно же, не идёт о детях), я никогда не даю ему ложных надежд на скорейшее выздоровление и долгие годы жизни. Я говорю с ним о том, что ещё можно успеть. Как ещё можно получить надежду на истинное спасение. Каким образом подытожить свою прожитую жизнь. Уподобиться разбойнику, первому вошедшему в рай. Уйти в гордыне и неверии или в покаянии и радо-

сти. В свете или во тьме. Уйти в Жизнь, или уйти в смерть.

В таких случаях ни у больного, ни у меня обычно уже нет времени на продолжительные беседы. Поэтому я стараюсь кратко и предельно просто объяснить человеку: в Кого, как и зачем мы верим.

В Кого — это значит, не углубляясь в догматику, а самыми простыми словами рассказать о Святой Троице, Воплощении и Искуплении.

Как — это о главных Таинствах Церкви, о том, каких сокровищ человек лишил себя сам, осознанно или в силу тщеты мира сего.

И зачем — это о Царствии Небесном, о тьме и скрежете зубовном. О детях и о волчатах. О жизни вечной и о смерти беспамятной.

Если позволяет время, я могу принести человеку краткий Катехизис протоиерея Олега Давыденкова. Он очень хорошо усваивается, легко читается, несложен для понимания.

Чаще всего в такой период жизни человеку достаточно лишь открыть своё сердце. И даже старческий и измождённый болезнью разум способен осознанно воспринять Слово...

Милостью Божией и по молитвам моего духовника несколько раз в жизни мне удавалось привести уходящих из земной жизни людей к Крещению или Чаше.

Владимир Rogozin,
выпускник 2011 г.

Опыт преподавания в светской школе

Год назад меня пригласили в школе №164 учителем духовно-нравственного воспитания. Когда-то я работала в этой школе учителем начальных классов.

С чего начать? О чём говорить? Нужен ли этот урок? Смогу ли я? Может быть, лучше отказаться, пока не поздно? Эти и другие вопросы я задавала сама себе.

Проработал я всего один год и теперь твёрдо знаю, что предмет этот необходим. И не только детям, но и их родителям и учителям.

Так как я не была уверена в своих знаниях, то поставила перед собой программу-минимум: не оттолкнуть детей от веры, не отбить у детей охоту слушать о Боге, о православии. Уроки

должны быть интересными, яркими, запоминающимися.

Часто говорят, что этот предмет вводить нельзя, так как у нас многонациональная страна и нельзя предпочитать одну религию другой. Что можно на это ответить?

Во-первых, живём мы в православной стране и подавляющее число детей — православные. К слову сказать, православные дети катастрофически мало знают о своей вере.

Во-вторых, представители других религий работали на уроках с неподдельным интересом!

Проводила я во всех своих классах тестирование. На вопрос «Какой твой любимый праздник?» получила нео-

жиданный для себя ответ. Из всех четырёх классов только два человека сказали, что их любимыми праздниками являются Рождество и Пасха. Один из них — воцерковлённый мальчик, в семье которого соблюдаются благочестивые традиции, второй — мусульманин.

Расскажу об одном эпизоде. На уроке по теме «Крещение» рассказала об Иоанне Крестителе, о Крещении Иисуса Христа, о таинстве Крещения, о крещенских морозах, о купании в проруби, о крещенской воде. Спела детям тропарь, показала кропило, показала, как окропить водой помещение. И в конце урока предложила окропить крещенской водой всех же-

лающих. И тут, расталкивая других учеников, мусульманин громче всех просил: «Меня, меня надо окропить! Вы все крещёные, а меня ещё никогда не окропляли». Снимает мальчик очки и просит, чтобы и на глаза вода попала. Я ждала, что его родители придут возмущаться, но вместо этого мальчик познакомил меня с мамой.

Часть уроков были посвящены грехам и добродетелям: «Зависть и жадность», «Воровство и ложь», «Послушание». На других уроках рассказывалось о праздниках: «Рождество», «Пасха», «Масленица», «Прощённое воскресенье», «День Победы», Были уроки о Родине, о жителях святых.

Но были две темы, которые я пыталась включить в каждый урок при удобном случае. Первая — послушание и почитание родителей. Так как на нас надвигается ювенальная юстиция, то я пыталась предупредить детей об опасности, объяснить ребятам, что ближе и роднее папы с мамой никого быть не может, что манипулировать родителями глупо, что нельзя предавать родителей...

Вторая тема — любовь к Родине. Особенно на уроках о православных святых я пыталась пробудить у детей патриотические чувства, гордость за ту землю, на которой мы живём.

Эти две темы связаны между собой: знание своих корней, знание истории своего Отечества, уважение родителей и старших. Понятия семья и Родина должны быть самыми близкими для ребёнка. Если бы у меня были дети постарше (я преподавала в первых и во вторых классах), я бы старалась почаще говорить о целомудрии.

Не думаю, что за год я смогла дать детям много. Не хватило знаний, опыта, не хватило любви.

Теперь скажу, кому действительно был нужен этот урок. Это родителям. Были родители, которые приходили послушать на уроки, были, которые пытались поговорить со мной после уроков. Они задавали самые дорогие для меня вопросы: как можно креститься, как подготовиться к причастию, как помянуть умерших родственников, в чём цель жизни... Особенно много вопросов было после урока в конце декабря. Так как

перед Рождеством многие впадают в язычество и начинают гадать, а перед Новым годом происходит повальное увлечение астрологическими прогнозами, то я рассказала о вреде подобных прогнозов, о вреде гаданий, о картах и подобных безобразиях.

На вопрос «Кто знает день своих именин?» ответить смогли только три человека. Зато все знали, в год какого животного и под каким знаком зодиака они родились. Я сказала ребятам, что наши предки ужаснулись бы, услышав, что мы не знаем и не отмечаем свои именины, не знаем, кто из святых покровительствует нам и просит за нас перед Богом, и удивились бы, увидев, что православные люди верят в какие-то заморские гороскопы. Получился очень серьёзный урок.

Прошёл почти год. Сейчас я вижу, как мне повезло. Повезло со школой, с директором, с учителями, с родителями, с детьми. Я благодарна Богу за возможность поработать учителем духовно-нравственного воспитания, мне очень дорог этот отрезок жизни.

*Александра Соколова,
1 курс (2010 г.)*

Любовь моя, Иерусалим

У каждого человека есть заветная мечта. Когда моя мама 12 лет назад плавала на пароходе из Одессы на Святую землю, больше всего на свете мне хотелось попасть туда. Но трудности жизни не давали даже думать о возможности такого путешествия.

Господь зрит в сердце человека. Три года не было возможности какого-либо отпуска. И вдруг узнаю о том, что группа с наших курсов во главе с о. Михаилом Преображенским улетает на Святую землю. А у меня нет ни паспорта заграничного, ни финансовой возможности. Попечалилась, погрузила и успокоилась, значит, ещё не время. Но за 2 недели до отлёта нашлись и деньги, и паспорт, а главное — радость в душе нарастала, как восход солнца!

И вот вожделенная земля — разноцветные краски цветов, голубое безоблачное небо, яркое солнце, +34 градуса жары и какое-то спокойствие, разлитое повсюду. Нам очень повезло — нашим был гидом Павел Платонов, член Православного Палестинского общества, писатель, хорошо знающий библейскую историю, Иерусалим и говорящий как на арабском языке, так и на еврейском современном.

Рассказать, где мы были и что видели за эти чудесные семь дней невозможно в газетной статье. Чтобы почувствовать то, что чувствовали мы, стоя на горе Фавор; как удирали наши бесы, когда мы купались в источнике Марии Магдалины (где из нее изгнали 7 бесов!); какими ангелами все вышли из реки Иордан; как трудно было идти Крестным путем Господа нашего Иисуса Христа и какова была молитва и причастие у Гроба Господня — необходимо там побывать, ибо словами всё это описать невозможно.

Несмотря на напряжённую обстановку между арабами и израильянами, всё вокруг дышит покоем, миром и благодатью. Ещё бы, ведь по этим улицам и дорогам ходил Сам Господь наш; именно здесь Он творил чудеса и исцеления; пострадал безвинно и выполнив волю Отца, искупив грехи мира, спас нас всех от смерти! Здесь всё пропитано Его присутствием, и всё время кажется, что Он близко и вот-вот выйдет из-за угла узкой витой улочки окружённый своими учениками.

Сколько радости испытали мы за этот короткий срок! А сколько за это время мы отслужили водосвятных молебнов и пропели величаний святым;

сколько глав из апостола и Евангелия прочёл нам о. Михаил. Наверно, именно в таком благоговейном настрое всегда должен находиться православный христианин.

Все мы стали другими. Это почувствовали многие наши близкие. Но самое главное — мы все стали братством, братством хранителей Гроба Господня. Да, в Израиле есть такое братство. Знак его находится над входами православных монастырей и церквей, на дверях, колодцах и даже на облачениях православных священников, надеваемых для службы у Гроба Господня.

На всю жизнь мы сохраним в своих сердцах ту благодать, которые даровал нам Господь на земле обетованной! Лично мне впервые не хотелось возвращаться домой, половина сердца осталась там, где-то между Галилейским морем и Палестинской пустыней.

Всю следующую неделю ловила себя на мысли, что ещё не совсем вернулась. Но самое главное — сердце постоянно греет любовь, любовь, которую показал нам Господь буквально на каждом нашем шагу по той земле, где всё пропитано Его Святой любовью.

*Колесникова Светлана,
выпускница 2011 г.*

2 января 2009 года – 100 лет преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского

Ранним утром мы, слушатели Свято-Иоанновских богословско-педагогических курсов, отправились в г. Кронштадт.

Получив на дорогу благословение отца Александра Зелененко и, отслужив в автобусе краткий молебен о путешествующих в начале пути, мы ехали вдоль живописного берега Финского залива. Звезды бледнели на светлеющем небе. Было тихо. И каждый из нас ощущал присутствие дорогого незабвенного батюшки Иоанна Кронштадтского. Это чувство более усиливалось от присутствия рядом с нами тихой и скромной женщины Тамары Ивановны Орнатской – его правнучатой племянницы по линии сестры батюшки – Анны Ильиничны Сергиевой. Все мы, в этой дивной поездке получив обилие впечатлений, прониклись единым молитвенным духом от приобщения к светлой памяти великого всероссийского пастыря. Она говорила нам о том, что её дед – священник Иоанн Орнатский присутствовал при кончине отца Иоанна Кронштадтского и причастил его. А родной брат дедушки Иоанна – священномученик Философ Орнатский был последним настоятелем кафедрального Казанского собора.

Когда мы приехали к Владимирскому собору, служба ещё не началась. Все ждали владыку Маркелла, епископа Петергофского. Божественная Литургия прошла торжественно, на

подъёме. О юбилейном событии было сказано проникновенное пастырское слово. Настоятель соборного храма протоиерей Святослав Мельник поведал нам о чуде возвращения храмовой иконы Владимирской Божией Матери, похищенной два года назад. Эта икона когда-то была подарена старосте Владимирского Собора и чудом вернулась в храм в 1997 году, а в 1998 – замироточила. Как и десять лет назад, икона пришла сама, сначала в Епархию, а потом и в Кронштадт.

Ещё одним знаменательным событием стало освящение во Владимирском соборе креста для часовни Тихвинской Иконы Божией Матери, которая была воссоздана по сохранившимся чертежам 1898 года. Чин закладки часовни совершил 22 сентября 2008 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Патриарх назвал воссоздание часовни первым шагом к будущему восстановлению Андреевского собора, второго по значимости после главного храма России – Храма Христа Спасителя в Москве. Святой праведный Иоанн Кронштадтский 53 года прослужил в Андреевском соборе.

Верующие, в сопровождении священства, с хоругвями и иконами понесли на руках освященный крест к храму - часовне. Со слезами и молитвой мы следили за поднятием и установкой креста на часовню. Длинные-длинные пятнадцать минут... И вот

яркое солнце засияло на кресте часовни! Радостно и легко сразу стало на душе.

В Морском Соборе для паломников была устроена общая трапеза. В актовом зале «Кронштадтского морского собрания» нас ждал рождественский концерт. Но как ни весело и интересно было на концерте, главное нас было впереди – посещение квартиры батюшки.

В квартире нас ожидал протоиерей Геннадий Беловолов (настоятель Леушинского подворья храма св. Иоанна Богослова), который помазал нас святым елеем. Мы с благоговением осматривали квартиру, а вернее, обитель любимого пастыря, где всё освящено его молитвой и его присутствием. Здесь он проводил часы за чтением святых книг, принимал дорогих гостей, продолжал окормлять бесчисленную паству, иногда прямо с балкона квартиры благословлял народ.

Нам повеселилось приложиться к наперсному кресту батюшки Иоанна и его епитрахили.

Всё это время в глубине кабинета стоял скромный молодой человек – брат Григорий, о котором мы узнали, что и он родственник о. Иоанна Кронштадтского. Учащийся нашей семинарии и реставратор, который привёл письменный стол своего предка в надлежащий для музея вид. В его лице мы увидели как «дивен Бог в очах наших» – Своим благословением продлевающий уже более 450 лет священническое служение современных нам родственников Кронштадтского пастыря.

Благоговейное настроение усиливалось непрерывным чтением акафиста и нескончаемым потоком верующих, пребывающих со всех концов России отдать дань почтения в день 100-летия нашему любимому пастырю – Иоанну Кронштадтскому, всея России чудотворцу.

Пирумова Т.В., Боровкова Т.В., Бембель В.А., выпускницы 2011 г.

На фото: наперсный крест св. Иоанна Кронштадтского; праздник в Кронштадте 2 января 2009 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Вестник епархиальных курсов»

(планируемые статьи журнала)

Священник

ИГОРЬ ИВАНОВ

кандидат философских наук, доцент СПбДА

Высшее образование в Византии

В своем классическом труде «История византийского государства» выдающийся византинист XX века Г. А. Острогорский формулирует основу византийской культурной парадигмы: «Римская политическая концепция, греческая культура и христианская вера — вот три главных составляющих, которые определили развитие Византии. Без них жизненный путь Византии был бы невозможен. Проникновение эллинской культуры и христианской религии в лоно Римской империи дало возможность

возникнуть такому историческому явлению как Византийская империя... На протяжении всего существования Византии римские законы всегда оставались основой законности и права, а греческая мысль — основой интеллектуальной жизни. Греческая наука и философия, греческие историки и поэты были образцами для подражания среди наиболее образованных византийцев. Сама Церковь много изучала языческих философов, усвоила их интеллектуальные достижения и использовала их для большей внятности проповеди христианского учения. Такое прочное усвоение классических достижений стало особым источником силы Византийской империи. Укоренившись в греческой традиции, Византия в течение тысячелетия была крайне важным оплотом культуры и науки, а укоренившись в римской концепции государственности, Византийская империя занимала преимущественное положение в средневековом мире».

Прежде всего, нужно сказать, что развитие византийского образования было тесно связано с эллинистическими научными центрами. По примеру римского *атенея* во всех римских провинциях были основаны учебные заведения. При основании Нового Рима император Константин также создал *атеней*, реформированный спустя столетие в первый Константинопольский университет.

Как пишет Г.А. Острогорский, «император Феодосий II (408–450) в первые годы своего правления находился под сильным влиянием своей энергичной сестры Пульхерии, а в более поздний период — под влиянием своей супруги — афинянки Евдокии, дочери языческого профессора риторики в афинском университете».

Личность этой императрицы — живой пример того, как сочетались христианство и классическая образованность в Византии. Всю свою жизнь она оставалась верной культурным традициям своего родного города, будучи в то же время ревностной последовательницей новой веры. И характерен тот факт, что императрица сочиняла светские стихи и писала церковные гимны. В 425 г. во многом благодаря ее влиянию был реорганизован и расширен университет, созданный еще в константиновскую эпоху. По существу, он был как бы заново создан. Университет стал ключевым центром науки в империи. В нем было 10 кафедр греческой и 10 кафедр латинской грамматики, 5 кафедр греческой и 3 кафедры латинской риторики, одна кафедра философии и две кафедры юриспруденции».

В V–VI вв. существовали многочисленные высшие учебные заведения в Афинах, Александрии, Антиохии и Бейруте. Светские науки изучались по античной греческой системе, предусматривавшей два уровня «энцикло-

Аристотель

Платон

педического образования»: тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и квадриум (арифметика, музыка, геометрия, астрономия); особо изучались право, медицина и другие прикладные дисциплины. Кстати, принципы квадриума были изложены у известного византийского философа Григория Пахимера.

Несмотря на то, что в 726 году император Лев III, основоположник иконоборчества, уничтожил Константинопольскую высшую школу вместе с профессорами и книгами, есть данные, что в конце VIII века начальные и средние школы не были закрыты, домашнее образование не возбранялось и не пресекалось. Грамотность была широко распространена в средних по состоятельности и социальному положению слоях населения. Появление в IX веке таких образованных людей, как Иоанн Грамматик, Лев Математик, наконец, таких, как знаменитый патриарх Фотий, свидетельствует о высокой постановке школьного дела в империи.

Не следует забывать, что Константин-философ и его брат архиепископ Паннонский Мефодий — первоучители славянские, родившиеся и получившие образование в конце

VIII — начале IX века, обязаны своей школьной образованностью и научной подготовкой современной им общественной среде и высшей школе. А Фотий, до того как стать патриархом, служил профессором философии и богословия в восстановленной Львом Математиком Константинопольской высшей школе.

На новый уровень образование вышло в XI–XII вв. В это время был преобразован Константинопольский университет (с юридическим и философским факультетами), открылись патриаршие школы при храмах Святой Софии и Святых Апостолов. В 60-х годах XII века император Мануил I Комнин назначил главой философов Михаила Анхиала, позднее ставшего патриархом (1170–1178).

Преемником Михаила Анхиала на посту главы философов был церковный деятель Феодор Ириник, занявший в 1214 году патриарший престол. В стенах, созданной им Патриаршей академии, преподавали самые видные деятели византийской культуры конца XI–XII века, авторы многих дошедших до нас литературных, научных и педагогических произведений. Наиболее выдающимися среди них были Евстафий Солунский, Никифор

Василак, составивший учебное пособие по истории, мифологии, риторике и богословию.

Известный йатрософист Михаил Италик вел занятия по предметам квадриума (арифметике, геометрии, музыке, астрономии), а также механике, оптике, медицине и философии. Он был профессором медицины при больнице монастыря Пантократора (основана в 1136 году).

Помимо этого в XII в. широко распространяются литературно-философские кружки, группировавшиеся обычно вокруг влиятельных аристократов (нередко — придворных дам). Грамотность в империи почти всегда оставалась на беспрецедентном для средневековья уровне, будучи распространена во всех слоях общества. В Никейской империи сохранение философской школы сделало возможным то, что падение Константинополя в 1204 г. не прервало традицию философского образования в Византии. Примером этого служит Никифор Влеммид, получивший образование в Никееи позднее написавший руководства по логике и физике.

После восстановления империи в Константинополе император Андроник II Палеолог Старший (1260–1332) вновь реорганизовал высшее образование, открыв в Константинополе «Царскую Школу».

В отличие от западноевропейских университетов, появившихся в XIII веке и бывших юридически самостоятельными корпорациями, византийские высшие учебные заведения были государственными — с утвержденным штатом и высокими окладами профессоров. Само же обучение в них было бесплатным.

В период палеологовского возрождения возникла крупная группа ученых, обладавших авторитетом в различных разделах философии и желающая подвергнуть критике философские теории. Пахимер написал компендиум аристотелевской философии, а переложения Аристотеля были подготовлены Софонией (конец XIII в.), Львом Магентеном (XIV в.) и Феодором Метохитом.

Таким образом, можно сделать вывод, что высшее образование в Византии всегда поддерживалось на должном уровне, и было основой культурного, политического и экономического лидерства этой страны в Средневековом мире на протяжении многих столетий.

БУХАРКИН ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор СПбГУ и СПбГДА,
гл. науч. сотр. Института лингвистических исследований РАН

Иван Киреевский и Василий Розанов

1

Соединение этих имён — Ивана Киреевского и Василия Розанова — упоминание их вместе, как бы через запятую, заменяемую сочинительным союзом «и», на первый взгляд кажется странным, даже несколько капризно-своевольным. Что между ними общего — разве лишь то, что Розанов родился в год смерти Киреевского. В остальном же они предстают совершеннейшими антиподами. Дворянин не без налёта аристократичности, воспитанный в холе культурной помещичьей усадьбы начала XIX века, с детства окружённый двойной атмосферой высокой образованности и духовных интересов. И представитель разночинцев со всеми особенностями их непростого, нередко искривлённого сознания. Покойная жизнь, не знающая заботы о хлебе насущном; с другой же стороны — неустанная борьба за существование, постоянные хлопоты о деньгах, отравляемые сознанием того, что денежные эти заботы как-то малодостойны — отсюда вызывающий тон «денежных» пассажей «Опавших листьев»: их нарочитая похвальба — скорее всего, лишь наступательная форма самозащиты, вообще свойственная Розанову. Человек возвышенного и твёрдого благородства, нравственные достоинства которого заставляют вспомнить Н.М.Карамзина или же В.А.Жуковского; последний, как известно, деятельно участвовал в воспитании Киреевского и многое в нём определил. Полная противоположность — раздерганый Розанов, бравирующий вызывающей беспринципностью, едва ли не возведённой в принцип. А с другого бока — неутомимый литератор, имеющий и успех, и определённое влияние, фигура значимая в литературной жизни (Розанов) и оставивший мало следов Киреевский, прошедший стороной и совсем не оценённый — во всяком случае, в своё время. Один из самых блестящих стилистов и острейший мыслитель, из ряда вон выходящее дарование которого хорошо осознавались и литераторы в высшей степени умный, достойный и разнообразно образованный, но, казалось бы, проблесков гениальности всё же лишённый.

Разные характеры и несхожие судьбы. И, вместе с тем, эти люди могут открыть проницательному взгляду и какое-то очень и очень близкое родство — пусть скрытое, однако сущностное и глубинное. Даже психологически — как это ни удивительно — Киреевский, во всяком случае, молодой Киреевский, был способен высказываться совсем в духе Розанова. Так, в письме А.И.Кошелеву 1827 года он пишет: «Я не бесполезно провёл мою молодость и уже теперь могу с пользою делиться своими сведениями. Но целую жизнь имея главною целью образовываться, могу ли я не иметь веса в литературе? Я буду иметь его и дам литературе своё направление. Мне все ручается в этом (...)»¹. Нечто подобное нетрудно обнаружить и на многих розановских страницах. Конечно, очевидны здесь и различия: у Киреевского понятные своим юношеским максимализмом и потому извинимые мечты о будущем, планы, у Розанова же — оценка уже сделанного, своим самовозвышением свидетельствующая о внутренней неуверенности и неизжитых комплексах. И всё-таки сходство — пусть и мимолётное — налицо.

Впрочем, это скорее психологический курьёз. Но уже совсем не курьёзом является то, что они оба не мыслили ни себя, ни рус-

скую культуру в целом вне Православия. Речь здесь не о степени их церковности, хотя и Киреевский и даже Розанов Церкви совсем не чуждались. Напротив, её жизнь они тонко чувствовали и в ней так или иначе участвовали. Но гораздо важнее другое — разительно несхожие, они обнаруживали единомыслие в том, что едва ли не с одинаковой степенью ответственности признавали ведущую роль Православной Церкви в истории России и её культуры. У Киреевского это проявилось, в частности, в постоянных указаниях на необходимость опоры на церковные сознание и мысль в процессе созидания органичного русского философского мышления, его «новых начал». А Розанов не только обосновал и развивал этот же постулат в нарративно оформленных статьях, так сказать «научно», но и выразил его афористической форме, в которой он был виртуозом: «Простим им (духовенству — П.Б.). Простим им. Простим и оставим. Всё-таки «с Рюрика» они молятся за нас. Хладно, небрежно, а всё-таки им велели сказывать эти слова. Останемся при «всё-таки». Мир так мал, так скорбен, положение человека так ужасно, что ограничим себя и удовольствуемся «всё-таки». И «всё-таки» Серафим Саровский и Амвросий Оптинский были **из них**. Всё-таки не из «литераторов»...»². Именно из церковной почвы, по мнению Розанова, вырастает центральный ствол русской жизни, с этой почвой связано всё, что непреходяще; «просвещение» и «культурное воздействие» могут меняться, и проходить, идущее же от Церкви, основывающейся «на **нужно**» пребывает до тех пор, пока существует Россия.

Причастность Киреевского и Розанова Православию и, даже более конкретно, Церкви — факт достаточно бесспорный и осознанный. Менее очевидно то обстоятельство, что подобная причастность отчётливо сказывалась на их писательской манере — не просто на их идеологии и религиозных интенциях, но и на самой словесной фактуре создаваемых ими текстов: они выбрали разные слова и по-разному их соединяли, но слова эти использовали ими едва ли не в одинаковых целях и наполнялись одною и той же внутренней жизнью. Главным здесь, наверное,

оказывается принципиальный адогматизм слова, заключающего неотделимую от него мысль. Как известно, духовная жизнь Православия ни в коем случае не исключает логического начала; строго рациональные построения ей совсем не противопоказаны. И всё же Истина для Церкви выше разума, не только ощущать её, но и письменно размышлять о ней следует на металогическом уровне, преображая логические законы и идя дальше них. Абсолютно в том же духе формируют свои позиции (естественно, каждый по-своему) Киреевский и Розанов. Для них жизнь не может, а потому и не должна быть понята и описана в виде жёстких формул, она выше и сложнее законов логики, в том числе диалектической. Задачей литератора, размышляющего о мироздании и человеке вообще (а Киреевский и Розанов и считали себя, и в действительности были таковыми) заключается прежде всего в том, чтобы показать их сложность, противоречивую переменчивость и неравенство самим себе. Причём многоликость Вселенной вовсе не означает его хаотичности. Напротив, всё в ней пронизано благой волею Творца, и история, в ходе которой творение и являет бесконечное многообразие собственных форм, безусловно телеологична, а следовательно — не случайна и не абсурдна.

Исходя из этого, Киреевский и Розанов и определяли своё отношение к слову. Киреевский выразил его, пожалуй, наиболее полно в одном из недатированных отрывков: «Слово, как прозрачное тело духа, должно соответствовать всем его движениям. Поэтому оно беспрестанно должно менять свою краску соответственно беспрестанно изменяющемуся сцеплению и разрешению мыслей. В его переливчато смысле должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума. Оно должно дышать свободой внутренней жизни. (...) Однако же, изменяясь в оттенках своих, оно не должно переиначиваться во внутреннем составе»³. Именно такое слова позволяет не оторгнуть познающий разум от своего объекта — действительности, не заменить действительность собственными умозрительными построениями (как это произошло, по мнению Киреевского, в немецком идеализме), но соединить их на личностном уровне, когда «приобщение к реальности» становится функцией «не мышления самого по себе, а личности в её целом»⁴ функцией, выполняющую которую эта личность приобщается к высшей реальности в процессе её целостного познания. Общение с миром требует усилий всей личности в совокупности её многогранных аспектов, личность же с одной стороны, «всегда бесконечна по своим возможностям»⁵, постоянно претерпевает трансформации и даже мутации, с другой же — в своей сердцевине остаётся неизменной — в противном случае она перестанет быть личностью. Своего рода инобытием этой личности в мире и становится отражающее её динамическую сложность слово, которое, учитывая его постоянно напряжённую полисемантическую, вполне возможно охарактеризовать как поэтическое. Так же как в самом Киреевском следует видеть скорее не мыслителя, занятого стройным развитием собственных идей, приведением их в систему, а любителя мысли (любомудра) и её вдохновенно выразителя в слове. Мысль для него не просто инструмент познания действительности, она — прежде всего — объект — и не рационального исследования, но, пользуясь позднейшей литературоведческой терминологией, художественного проникновения, сопровождаемого восхищением.

По существу те же представления (правда, трансформированные историческим периодом, отделяющим его от Киреевского) определяли позицию и творчество Розанова: самые острые, наиболее «розановские» его книги, такие как «Опавшие листья», «Уединённое», «Апокалипсис нашего времени» не только своей композицией, но даже и архитектурной несут в себе адогматическое (в смысле отвержения рационалистического панлогизма) отношение к миру. Дело здесь не ограничивается разноре-

чивостью розановских суждений, демонстративно поставленных рядом. Она тоже важна — в «главных» сочинениях Розанова мы легко обнаруживаем мысли не просто трудно согласовывающиеся, но и прямо противоречащие друг другу. Так, во втором «коробе» «Опавших листьев», сразу же за вдохновенными словами о величии экзистенциального подвига русского духовенства следует резкая критика православного отношения к браку и вопросам пола, причём церковность, только что высоко оценённая, называется уже «сухой, высокомерной, жестокой»⁶. Однако значимее, пожалуй, другое — принципиальная, содержательная гетерогенность розановских текстов — естественно, не всех, но наиболее для него репрезентативных, вроде названных выше. В них соединяются совершенно разные сферы жизни: бытовые подробности сменяются размышлениями о природе человека и судьбах мироздания, за которыми следуют опыты психологического самоанализа, чередующиеся с лаконичными характеристиками тех либо других эстетических феноменов. Причём афористическая форма повествования, не предполагающая плавных переходов, делает контрасты особо выразительными. Одновременно с этим ощущается и наличие какого-то общего плана, некоей сокровенной, но ощутимой на глубине смысловой концепции, объединяющей все фрагменты в единое целое. В результате возникает текст динамической и крайне сложной структуры. Он в равной степени лишён как рационалистической зашоренности и плосковатой логичности, говорящих об интеллектуальном самодовольстве, так и агностицистической по своей природе растерянности перед бесконечным разнообразием явлений, свидетельствующей о духовной дряблости познающего мир субъекта.

2

Итак, между Киреевским и Розановым действительно существует немало общего, причём общность эта обусловлена их связью с православной культурной традицией⁷. Именно там и предполагается источник особой полисемантической, роднившей обоих авторов, и, в конечном счёте, вызванной сверхрациональным, адогматическим подходом к миру. Однако как раз в этой точке соприкосновения сравниваемых нами словесных миров обнаруживается и крайне важное отличие: Киреевский и Розанов, внешне столь далекие друг от друга, внутренне, как я стремился показать, близки. Но эта близость парадоксальным образом вновь переходит в различия — противоречивость, подвижность мысли, способность сочувствовать разным позициям и оценкам едва ли не в одинаковой степени важны и для Киреевского, и для Розанова. Но внутреннее наполнение этих категорий, их, так сказать, последние смыслы совсем различны. Выражаясь другими словами — перед нами совершенно разные типы диалогичности.

Начну с Розанова. Он представляется особенно сложным и разноголосым. Если взглянуть на его творчество в целом, то оно может показаться чересполосицей отрицающих друг друга суждений. Конечно, у Розанова были и некие постоянные представления, которым он с неизменностью сохранял верность, однако, как правило, одни и те же факты, одни и те же идеи освещал он с диаметрально противоположных точек зрения. Пожалуй, наиболее показательными, резкими и скандальными были его колебания по еврейскому вопросу. С одной стороны, восхищение Ветхим Заветом в его противопоставленность Завету Новому, явные симпатии ко многим положениям иудаизма (в первую очередь, связанным с семейной сферой), с другой — открыто выраженный антисемитизм, приобретающий — как в деле Бейлиса — дремуче агрессивный характер. При этом и в одних, и в других случаях свои мысли Розанов высказывал с подлинной убеждённостью и страстью.

Не только в разных сочинениях — в пределах одного текста, такого как «Уединённое», либо «Опавшие листья» встречается подобный разнобой. Иногда даже на двух-трёх соседних страницах афористических его книг сталкиваются позиции предельно взаимоудалённые. В розановской вселенной — в совокупности всего им написанного, в отдельных его произведениях, даже в маленьких их фрагментах — звучат многие и многие голоса. Но — странное дело — они звучат по отдельности, не замечая, тем более, не учитывая друг друга; каждый — сам по себе. Поэтому, говоря о многоголосии художественного мира Розанова, никак не следует говорить о его полифонии, напротив, внутренне Розанов принципиально аполифоничен. Выражаемые им позиции и оценки сосуществуют, но не объединяются, между ними не возникает диалогических отношений. Также как и между выражающими их словами: розановское слово можно квалифицировать как двуголосое лишь в том отношении, что оно направленно на другое слово. Но никакой ответной реакции оно от него не ожидает, оно занято исключительно самоутверждением.

Самоутверждение — ключевое для Розанова понятие. В каждом конкретном случае идея, при всей полисемантической, обусловленной словесной формой её существования, стремится именно к нему; она полностью и абсолютно уверена в собственной правоте и, следовательно, лишена открытости, способности общаться с другими идеями. Для неё всё то, что не она сама — ложь, требующая разоблачения и осуждения. Это и придаёт розановским книгам столь явственно ощутимый в них агрессивный характер. Он усиливается афористической формой повествования; каждый фрагмент полностью самостоятелен: на уровне содержания — смысловой цельностью и самодостаточностью мысли, на уровне стиля — синтаксической и ритмической завершенностью. Текст состоит из автономных композиционных единиц, каждая из которых навязывает читателю самое себя.

Совсем другую картину являет мир Киреевского. Его статьи с их плавным течением интеллектуального повествования, последовательной «композицией речевых масс» (В.В.Виноградов), обоснованными переходами от части к части кажутся несоизмеримо монологичнее, нежели сочинения Розанова; авторская позиция внутри той или другой статьи остаётся неизменной, впечатление пестроты и многоголосия не возникает. Но внутренне они ещё более открыты другому сознанию и напрочь лишены розановских нетерпимости и самоутверждения. Отстаивая правоту собственных идей, Киреевский, вместе с тем, весьма бережно обходит со своими явными или скрытыми оппонентами. Естественно, он полемизирует с ними, но полемика эта направлена не на простое отрицание чужой мысли, а скорее на её дополнение. Он уверен в своей правоте, однако эта уверенность не мешает ему видеть достоинства других мировоззрений.

Во-первых, обращаясь к какой-либо позиции, противоречащей его взглядам, Киреевский неизменно отдаёт ей должное: достоинства, сильные стороны, положительные следствия не замалчиваются, напротив, о них говорится отчётливо и громко. Достаточно вспомнить отношение Киреевского к католицизму и старой европейской культуре, неотъемлемой от католицизма, или же к немецкой философии. Они Киреевскому неприемлемы; католицизм — вообще, немецкая философия — отчасти. Но, демонстрируя их — по его мнению — недостатки, Киреевский отнюдь не отвергает их огульно. И то, и другое сыграло видную роль в историческом бытии человечества, это — реальность, которая — как реальность — должна быть принята, ибо отвергать реальность бессмысленно, но принята критическим разумом и, особенно, критическим чувством.

С этим связана вторая особенность стиля мысли и стиля речи Киреевского. Она заключается в том, что опровергая про-

тивника, он одновременно стремится его продолжить, вернее, указать направление, которого бы тому следовало держаться, чтобы достигнуть положительно осязаемых результатов. Так, в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии», обращая внимание на самоограничения, которые мешали, как казалось Киреевскому, вольному и плодотворному развитию мысли Шеллинга, Киреевский набрасывает возможный путь интеллектуального развития великого немецкого философа, который привёл бы его к нужной (по убеждениям русского славянофила) цели.

В-третьих — и это, возможно, самое главное — высказывая свои концепции, в истинности которых был он убеждён, Киреевский, тем не менее, не навязывает её окружающим; он являет её (в слове) — и только. Это не означает, что Киреевский безразличен к мнению читателей; как любой мыслитель он хочет видеть вокруг себя единомышленников. Но насильно вербовать себе сторонников он не хочет: это пустое, а потому и вредное дело. Истина — в его случае — истинная философия — сама должна привлекать к себе. И сталкивающимся с ней людям необходима свобода, их нельзя принуждать, в частности, представляя своих оппонентов в карикатурном виде. Лишь свободный выбор позволяет человеку действительно и полностью проникнуться принятыми убеждениями.

Получается, что внешне гораздо более монологичный и односторонний Киреевский внутренне диалогичнее, нежели полиголосный Розанов, более открыт другим сознаниям, взглядам и оценкам. Розанов даёт каждому из многих своих голосов свободу, но свободу, заключающуюся только в одном — в праве высказать себя. Самовысказываясь (о чём уже шла речь выше), каждый голос занят самим собой, отвергая всё иное. Потому-то мир Розанова — на поверхности многообразный — по глубинным механизмам взаимоотношения субъектов речи (а следовательно — и сознания) — нетерпим и предельно субъективен. По своей сути он лишён свободы. А вот для Киреевского данное понятие — определяющее. Свобода для него — «тайная свобода», вырастающая из сознания собственного служения истине и оставляющая возможность каждому, кто с ней столкнётся, свободно (но и ответственно) принять вольное своё решение. Являя истину (по субъективному своему ощущению, вне зависимости от реального положения вещей), Киреевский был совершенно лишён суетливой озабоченности всех привлечь, всех убедить, со всеми оппонентами спорить. Его позиция созвучна трудной постижимым в их предельной глубине пушкинским словам:

*Веленью Божьему, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.*

1. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С.335.
2. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Сочинения в 2-х томах. Т.2: уединённое. М., 1990. С.575.
3. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С.333.
4. Зеньковский В. В. прот. История русской философии. Т.1. Paris, 1989. С.227.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С.174.
6. Розанов. Указ. соч. С.577.
7. Роль православной культурной традиции в литературной культуре XVIII–XIX веков в два последние десятилетия не раз становилась предметом исследований. Укажу, в частности на пионерскую работу В.А.Котельникова Православная астетика и русская литература (на пути к Оптиной). СПб., 1994; см. также: Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII — XIX веках: Проблемы культурного диалога. СПб., 1996.

ШУТКО ДАНИИЛ

кандидат искусствоведения,
преподаватель СПб гос. консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова

Музыкальная культура — явление многослойное

Огромную роль в жизни человека играет музыка. Окружая нас буквально повсюду, она влияет на настроение и даже на мироощущение. О роли музыкальной культуры в жизни церкви иерей Илья Макаров разговаривает с преподавателем консерватории Даниилом Шутко.

Иер. Илья: Даниил, разговор у нас пойдет о музыкальной культуре, желательно, в оценке христианской, и о перспективах развития музыкального творчества как такового. Есть ли у него перспективы, есть ли надежды на то, что музыка не уйдет куда-нибудь в развлекательную сферу? Будет ли музыка оставаться серьезной, и будут ли расширяться ее возможности воздействия на человека? Будут ли появляться какие-то новые жанры, которые были бы глубокомысленными, не поверхностными, и влияли бы не только на человеческие инстинкты, но и составляли бы его думать ...

Д. Шутко: Прежде всего, нужно сказать, что музыкальная культура — очень многослойное, многожанровое явление, и то новое, что появилось в ней в 20-м веке — гигантская плюралистичность, которой раньше никогда не было. Это связано с тем, что все стало очень доступным. Каждый человек находит по функции, по определению музыки то, что ему близко. Образно говоря, это как огромная мозаичная картина, и никакого единого вектора в ней не найти. Это и хорошо, и плохо; здесь в категориях добра и зла надо рассматривать каждый пласт отдельно. Если же мы будем говорить об академической музыке, то она является как бы движущим локомотивом, она разрабатывает какие-то новые музыкально-языковые средства. Когда-то, на заре европейской цивилизации, эта музыка находилась если не в руках церкви, то близко к ней. И поэтому «закваска» для данной музыки — грегорианский хорал. Он тоже «укладывался» не сразу. И, если мы будем иметь в виду, что это была музыка церковная то, соответственно и задачи, которые ста-

вились перед композиторами и развивали музыкальный язык, как-то соотносились с духовными церковными нуждами. Если взять самые широкие музыкально-исторические вещи нашей европейской цивилизации, то они все так или иначе связаны с тем процессом, когда музыка постепенно выходила из церковного лона и становилась выразителем страстных любовных идей. Она становилась более утонченной, более изысканной, более разнообразной: поскольку музыка — это искусство, а искусству свойственно любование, созерцание. Но, вместе с тем, в каждой исторической эпохе находят отражение какие-то базовые философские идеи. Мы — наследники многоголосной музыки, музыки, которая называется тональной. Эта музыка складывалась постепенно, и ее расцвет пришелся на XVIII век. Самым великим композитором в этом направлении признан И. С. Бах. Но если мы возьмем саму суть этого музыкального стиля, музыкального языка, то она заключается в том, что это система многоуровневая, иерархичная, она отражает совершенно разные визуальные представления. То есть, мы говорим о многомерном пространстве, о понятиях высоты, глубины музыкальной ткани. Она позволяет контролировать музыкальное время на очень больших временных отрезках, потому что это все позволяет создать крупную музыкальную форму — чисто музыкальную, такую, как симфония; удержать ее в рамках какого-то единого цельного высказывания. Так вот, суть этого стиля заключается, с одной стороны, в том, что музыкальное мышление происходит аккордами, и это очень интересная, логически интересная вещь, потому что в аккорде отражена философская мысль. Аккорд — это базовая единица, это что-то цельное. Но, с другой стороны, эта цельность состоит из нескольких элементов. Для того, чтобы возникло качество аккорда, надо, чтобы мы понимали: каждый составляю-

щий элемент этого аккорда — независим, он дифференцирован на слух. То есть, качество в том, что то, что составляет аккорд — и разное, и целое. Это тот эффект, который дает гармонию. Данный эффект сопоставим с нашим религиозно-философским воззрением. Важно подчеркнуть, что такого не было ни у кого, ни в какой иной культуре. Это первый момент. И второй, ключевой момент для той тональной системы, в которую мы все входим: эта система зиждется на трех функциях, и она корреспондируется, прежде всего, с учением Гегеля, так как предполагает наличие тезиса и антитезиса. В этих аккордах есть внутренняя логика. Когда утверждается какая-то музыкальная гармоническая истина, что-то, что мы называем тоникой, то есть то, чем мы можем закончить музыкальную мысль, то как эта истина проверяется? Проверяется она тем, что появляется функция отрицания тоники — это субдоминанта, и появляется функция отрицания отрицания, то есть появляется доминанта, которая отрицает всю доминанту. Таким образом, двойное отрицание дает новое качество утверждения. И эта система становится очень мощной. Она настолько мощная, что она под себя подминает все остальное. И постепенно те древние распевы, которые были присущи западной церкви, русской церкви, оказались вовлечены в этот гармонический контекст. Мы их, конечно, не потеряли, они живучие... но новая система оказалась на порядок мощнее.

Теперь поговорим о XX веке как о наследнике XIX (несмотря на их огромную разницу). В XIX веке были намечены векторы: как, куда эту систему можно развивать. И в начале XX века, в принципе, эти векторы были доведены до логического, или даже антилогического абсурда, до какого-то конца, то есть, как говорится, «дальше уже некуда». Как оказалось, просто можно было уже внутри гармонии до бесконечности исследовать мелодические

связи. По данному пути пошел Вагнер, и аккорды просто растворились в этих тяготениях, в этих переходах друг из друга настолько, что само качество ценности стало исчезать. Можно было, например, любоваться красками аккордов до бесконечности. Это был импрессионизм в музыке, можно было попробовать составлять нестандартные, нетрадиционные аккорды; это были различные авангардистские течения, но, в принципе, XX век (я имею в виду его первую половину) задался целью — как бы создать что-то **новое**. Потому что было ощущение кризиса музыкального языка уже в начале XX века. Все, что можно было сказать, уже сказано. Поэтому XX век впервые создал другую музыкальную задачу: не задачу какого-то эстетического наслаждения, как поиска идей, которые отождествлялись бы с некими нравственными позициями, эталонами жизни, труда и т.д., а именно поиск **самого технического средства** как такового. Хорошо то, что новое. То, чего не было. Это задача очень материалистичная по своей сути: механизм ради механизма, а не ради чего-то, более высокого. И, конечно, было очень много экспериментального в XX веке. Эксперименты всегда были в музыке — и в XVI, и в XVIII веке, там было много такого, чему бы XX век мог и позавидовать! Но если окинуть взглядом все это многообразие, которое создал именно XX век, то, наверное, можно выделить несколько самых главных линий, тенденций. Одна линия, это все более утонченное, все более детальное развитие старых идей (например, это непрерывная система, которая стала состоять уже не из полутонов, а из четвертей).

Иер. Илия: Даниил, мы уходим в какие-то музыковедческие изыски, но в то же время я чувствую, что Вы через музыкальные термины выводите нас к философскому пониманию музыкального творчества. Но некоторые термины для наших читателей нуждаются в комментариях. И, всё-таки, если мы будем сосредотачиваться на итогах XX века и, может быть, Вы смогли бы дать пояснение к некоторым популяризаторским словам, чтобы было всем понятно.

Д. Шутко: Хорошо. Если говорить о главном итоге, который дал XX век (если не брать вещи, которые проявляются рефлексам, обыгрыванием старых стилистических приемов), то это новое связано с категорией **тембра**. Тембр — можно диссертацию написать о том, что такое тембр в музыке — в самом широком смысле это вообще звучание само по себе. А как воспринимать звучание само по себе? Западные исследователи приводят несколько таких примеров. Вот один из них: представьте, что вы слушаете гудок автомобиля, с пониманием того, что это гудок автомобиля. Вы забываете, какой смысл несет этот сигнал, вы просто слушаете его как краску, как характер звучания. И так вот вслушиваться можно в совершенно разные звуки. В XX веке открыт мир звуковой, гораздо более глубокий, точнее сказать — обширный, по сравнению с тем, чем он был в XVIII–XIX веках. Если классическое искусство — это, прежде всего, искусство пропорций, оно апеллирует звуками, которые называются музыкальными. То есть, теми звуками, которые имеют четкую высоту. А тембральное многообразие — это восприятие всего звукового диапазона: и шумов, и звонов — как оно есть. К тому же, здесь добавляется большое количество новых придуманных, искусственных звуков — электронных, синтезированных, полученных с помощью новых технологий, и вот этот огромный новый мир породил такое течение, которое называется сонористикой (от слова соноре — звучать). Первые способы, первые методы организовать звуковое тембральное пространство — это, наверное, и есть то новое, что сделал XX век. Начало этого течения в музыке связано с творчеством Дебюсси, который в свою очередь попал под влияние Мусоргского и, отчасти, Бородина. А они оба исследовали старинную русскую музыку, в первую очередь фольклорную. Таким образом, это очень связано с Россией.

Иер. Илия: То есть, фольклор связан с тембром?

Д. Шутко: Да. Потому, что это совершенно другое, неклассическое восприятие. Можно, например, записать музыку, дать ее оркестрантам, переложив для инструментов. А вот эта интегральность русских композиторов начиналась с того, что они использовали аккорды, может быть, даже из классического репертуара, но они помещали их в такой необычный контекст, так необычно их соединяли, руководствуясь принципами линейными, что от нестандартного соединения начинали звучать сами краски этих вот, вроде бы классических средств. Ну, как было у Мусоргского...

Иер. Илия: Вы сказали, что тембр — это то, к чему пришла музыкальная культура XX века?

Д. Шутко: Одно из направлений последней четверти XX века связано было с тем, что, благодаря компьютерной, цифровой технологии появилась возможность более точного анализа тембра, анализа звука. Мы анализируем звук, и как бы стараемся услышать его высоту, его громкость, его время звучания. Когда начинается подробнейшее акустическое изучение звука во всех его стадиях, от развития и затухания, как ведут себя обертоны, как то, что физические обертоны существуют, как они воспринимаются нами субъективно, что на что влияет, — то объясняется, что все довольно не тривиально и не просто, и что, например, в одном сложении обертоны дают нам качество тембра, в другом они позволяют влиять на качество звука и даже на громкость. То есть, здесь есть свои законы, и они достаточно многообразны. Исходя из этих законов, стало возможным делать какой-то новый музыкальный язык, который позволял бы работать со всеми этими многообразиями тембра. Но, если мы возьмем философскую суть всего происходящего (что безумно интересно и замечательно), то, опять же, сама задача — то, как я ее сейчас формулирую — по сути, материалистическая. Тембр — это самая материальная из всех категорий звука, самая чувственная.

Иер. Илия: А с вокалом как обстоит дело? Ведь там тембр богаче и намного интереснее! И там можно, действительно, заниматься изучением одного только голоса. Многие специалисты этим занимались, в том числе и в Петербурге. Они исследовали голос, раскладывая его на всевозможные составляющие, в том числе, изу-

чая тембр. Но очень часто современный вокал достаточно однообразен и в тембральном аспекте неинтересен.

Д. Шутко: Да, один исполнитель отличается от другого тембром. Исполнители занимаются совершенствованием своего тембра всю жизнь, стараются сделать его более богатым, более гибким, и т.д. От этого, в частности, зависит и коммерческий успех — будет ли пользоваться спросом та или иная запись. Но, когда речь идет о каком-то классическом музыкальном произведении, то тембр находится в подчиненном положении — если мы говорим об иерархии средств. Моцарта мы любим за то, что он Моцарт...

При всем том новом, в XX веке существует и то, что было в XVIII и других веках, оно никуда не делось, оно любимо. И, более того, одно из главных классических направлений, которое сейчас существует — это так называемый неоромантизм. Все эти, часто бесперспективные поиски различных новых звуковых музыкальных техник привели к огромной ностальгии по тому, что было когда-то красиво, прекрасно. И вот вам ностальгия! Если мы будем брать композиторские конкурсы в Европе, то неоромантизм, конечно, там побеждает. Музыка, эта, так сказать, «здоровая», она ориентирована на какие-то классические устои. Я не скажу, что это плохо. В ней имеются интересные музыкальные находки, но просто это немножко другой взгляд, то есть, это уже то, что хочет, что ищет человек. Сейчас есть огромные технические возможности; мы можем классику получить во всех вариантах — аутентичном, приближенном к старинному варианту звучания, в полутембровом классическом смысле, — то есть, ну все, что угодно. И есть ностальгия, потому что там было богато, хорошо, красиво, комфортно — а что происходит в современном мире, это еще большой вопрос. Это что касается современных композиторов.

Иер. Илия: Окунуться в эти музыкальные изыски, на мой взгляд, очень интересно. Но хочется сейчас немного окунуться в другую плоскость, хочется понять следующее: то, что важно, мне кажется, и для церковного музыкального творчества. Существует достаточно расхожее мнение, оно высказывалось и авторитетными авторами, и сейчас многими даже иерархами церковными культивируется: что в церковной музыке (да и, наверно, не только церковной) сама по себе музыка имеет подчиненное положение, а на

первый план всегда выходит слово. Музыка — это лишь сопровождение, это лишь низшая форма подачи того слова, в котором заложен главный смысл. Вот Вы, как музыкант, Вы согласитесь с тем, что музыка в церкви имеет второстепенное значение?

Д. Шутко: Есть формальная сторона вопроса: есть музыка прикладная, и церковная музыка относится к этой области. Но, если посмотреть на этот вопрос глубоко, то, во-первых, речь идет прежде всего не об инструментальной, а о вокальной музыке. То есть, о произнесенном, пропетом слове. И вот, если говорить с этой точки зрения, то произнесенное слово и спетое слово — это уже не два разных действия. Это просто как две разные интенсивности. Так устроен человеческий организм, так Бог создал, что момент пения, правильного пения, когда человек полностью отдается молитве, вкладывает максимально свою душу, то участвуют в этом практически все силы организма: физические, психические, душевные, духовные — все уровни. То есть пение — это самое гармоничное использование ресурсов человека, его организма — во всей полноте, и в этом смысле, наверно, самое большое, что можно сделать, человеку — это молиться с помощью пения, когда все работает, все подчинено этому действию. В этом смысле, наверно, самое большое счастье. На самом деле, я встречал в своей жизни довольно много людей, которые занимались очень разными вещами до того, как они начали петь. Они могли бы быть богатыми, они могли бы быть инженерами, людьми рабочими, людьми искусства — но если они начинают петь, они понимают, что все остальное — ничтожно, по сравнению с тем, что они получают. Но это связано и с чувством эйфории. Это огромный мир, который больше ни с чем не сопоставим.

Иер. Илия: А помимо физиологии? Почему человек поёт, почему хочет петь, будь то в горе, будь то в радости — но хочется петь. Что же тогда за феномен — пение?

Д. Шутко: Есть классическая церковная теория: как устроен организм человека (я сейчас говорю не о физиологии), а о тройном свойстве: тело,

душа и дух. Как тело питается земными, материальными плодами, так душа человеческая тоже должна получать пищу. И Бог устроил так, чтобы эта пища шла от Бога в виде благодати, и возвращалась от человека в виде пения обратно.

Иер. Илия: Пение — это благодарение человека на божественную благодать?

Д. Шутко: Это даже не благодарение, это способ общения, способ жизни души, прямого такого богообщения. Ведь душа пришла от Бога.

Иер. Илия: То есть, это язык души?

Д. Шутко: Да, это форма жизни души. Это способ: так Дух идет от Бога к человеку и обратно. Это способ общения Бога с ангелами.

Иер. Илия: Говорят, что ангелы ничем другим не занимаются, а только воспевают...

Д. Шутко: Ангельский хор. И это движение благодати от Бога через ангелов от верхних чинов к низшим чинам, обратно. Оно даже имеет такой характер кругового движения. И этот характер кругового движения старались передать распевщики, когда они занимались древнерусским знаменным распевом.

Иер. Илия: Даниил, а вот классическая музыка, в традиционном понимании, сейчас существует?

Д. Шутко: Я думаю, да.

Иер. Илия: Понятно, что ее можно воспроизводить, интерпретировать, и так далее. Но продолжает ли она воспроизводиться, скажем так?

Д. Шутко: Вопрос еще и формальный: в каких это существует форматах. Формат концерта, он, действительно потерял свою доминирующую функцию, но он существует, и слава Богу. Поэтому, то, что концерт уходит — да, но, извините, сколько вы классической музыки слушаете? Даже такие далекие от музыки люди сидят в кинотеатрах. В «Звездных войнах», например, там Бетховен в чистом виде! То есть, классика остается, и остаются какие-то законы. Опять же, вопрос: с какой целью они там употребляются, что конкретно сделано? Это можно анализировать, но анализировать это совсем непросто. Таких методов не существует. Вообще, анализ музыки, аналитическое музыковедение — вещь довольно молодая. И она развивается на базе лингвистики, а лингвистика — это тоже не такая наука, как физика и химия, например. У нас же речь идет об анализе музыки с позиции богословской, православной. И такого музыковедения существует совсем немного. Труды Мидушевского, это великий православный музыковед нашего времени, который в советское время был одним из основателей музыкальной психологии. У него в жизни был период, когда он очень много занимался богословием, прошел сложный и богатый духовный путь. У него очень тщательный, очень тонкий анализ. И это анализ не из каких-то идеологических догм, а анализ тонких душевных и духовных поисков, прежде всего — тех гениев, которым Бог дал такую возможность. Меня он полностью убеждают, но это сложнейшая вещь, здесь очень много составляющих.

Иер. Илия: Даниила, напоследок: помимо Ваших занятий, Вы еще и церковный регент и в этом плане преуспели. Ваше мнение: как дальше наша церковная музыка будет развиваться? Я знаю, сейчас очень много церковных композиторов появилось, или же они и раньше были, а сейчас раскрыли свои таланты. Я знаю много молодых начинающих композиторов, или сочинителей, которые пробуют себя в церковной музыке. Кто-то мыслит в традиционных напевах, кто-то что-то новое привносит, экспериментирует. И я могу с уверенностью сказать, что это их способ молитвы. Они так выражают свои религиозные чувства. Но

вот как Вы думаете: еще через 10, через 20 лет музыка храма изменится? Мы услышим что-то другое, что-то новое или вернемся к старому?

Д. Шутко: Ну, это не вопрос «под конец», это огромный вопрос!

Иер. Илия: А что Вам подсказывает Ваша регентская интуиция?

Д. Шутко: Во-первых, ключевое слово сегодня — «плюрализм». Это огромное поле возможностей, которое существует. Мы даже в рамках одной службы это можем использовать. Но церковная культура экстремизма не приемлет. Как и крайних выражений чувств тоже. Поэтому, в таком виде, как у Шнитке, вряд ли. Здесь есть, может быть, несколько чисто композиторских направлений, которые, мне кажется, будут двигаться. Плюрализм заключается в том, что мы используем древнейшие песнопения, как русские, так и нерусские (сербские, грузинские ...). Кто-то может этим злоупотреблять, кто-то, наоборот, найдет в этом какой-то тонкий стиль. Огромное количество стилей в нашей русской истории, в том числе то пение, которое мы называем «киевское» — очень красивое, или, например, какой-нибудь классический стиль, романтический, как у Чеснокова, как у Кастаевского, с возвращением к древним распевам — вариантов целевых очень много уже сейчас, и я не думаю, что их станет меньше, потому что больше людей приходит в церковь. Люди приходят молиться — и молиться на том уровне и том языке, который им доступен и понятен.

Конечно, и церковь занимается образовательной функцией. Но в церкви всегда существовали какие-то установки — чтобы музыка соответствовала богословским задачам, богослужебным задачам. Та проблема, о которой мы начинали говорить: что даже в церкви некоторые вещи отвлекают от молитвы. Причём «отвлекают» — это понятие очень условное. Нила Сорского могла отвлекать даже монашеская молитва, которая для нас кажется ну совсем уж аскетичной. А у нас это может выразиться в виде какого-нибудь совсем неуместного концерта как классического, так и современного композитора. Да и, на самом деле, дело не в самом произведении, а в манере исполнения. Потому что можно так выставить вокалистов, что они начнут вам показывать свои голоса, а это уже излишне. Тут вопрос меры, вопрос вкуса, уместности. Одно дело, скажем, архиерейское богослужение,

другое дело — монашеское аскетическое богослужение. Также разные ситуации существуют. Поэтому не думаю, что мы получим какое-либо ограничение через 10-20 лет. Я думаю, что нет. Скорее, мы получим какое-то расширение. Я также надеюсь, что мы получим более профессиональную работу — сейчас очень много музыки... Например, сейчас очень практичный регент приходит на службу, и он сталкивается с тем, что у него есть набор конкретных певцов. Под их вокальные возможности зачастую очень сложно подобрать репертуар. И если он человек творческий, то потихонечку начинаются аранжировки, потом создание своего репертуара, где-то что-то у знакомого регента подсмотрел, а что-то в интернете скачал. И вот таким самопальным способом это все растится. В результате, если такие регенты — люди творческие, то появляется очень много новых произведений. Ну и, естественно, среди них большая часть — это произведения людей, которые не очень большие мастера в композиторском творчестве. Однако их самих подобное творчество вполне устраивает. Но я сталкиваюсь с тем, что очень много непрофессиональных вещей новоначальных музыкантов. К сожалению, это неизбежно. Но я надеюсь, что через 10 лет выработаются новые стандарты, и общее качество музыки возрастет. Как-то поучаствует в этом церковь. Может, не вернется цензура, но какие-то рекомендации появятся — в виде каких-то школ, связанных с Духовной академией, например. В виде комиссий, комитетов.

Повторю, что дело не столько в произведении, сколько в качестве исполнителя. Я вот, например, был в шоке, услышав хор Кедрова из Франции. У нас есть композитор Кедров-отец, и Кедров-сын, и Кедров-внук, прямая традиция, которая не прекращалась. Мы же ведь, многие из нас пришли в храм, до этого не слушая церковную музыку, не зная, какой она должна быть. А там традиция. Традиция — это великая вещь. И на этом концерте выяснилось, что музыка Бортнянского (которая на современный вкус немножечко слащавая, сентиментальная) — очень пригодная к молитве, если её инструментально грамотно исполнить, расставить акценты так, как нужно. Добиться этого сложно. Поэтому я не ожидаю ни прорывов, ни появления новых стилей, я ожидаю **повышение профессионального уровня**. И это и будет победа творческая.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

художник

Современные течения в живописи XXI века и их соотношение с реализмом

Реализм — это то направление в искусстве, которое не противоречит Божьему замыслу. Наоборот, оно способствует раскрытию глубоких пластов нашей души, смыслу бытия. Реализм многообразен, но он соответствует Божьему замыслу о мире. Мы видим то, что понимаем, и творим, преломляя это через призму своего сознания, понимания, жизненного опыта. И даже если художник-реалист является неверующим или по какой-то причине отошел от Бога, то, все равно, его творчество стоит гораздо ближе к промыслу Божию, чем занятие концептуальными, авангардными видами искусства. Ведь данные виды живописи серьезно и в негативном плане влияют на психику людей!

Современное авангардное искусство XXI века вытекает из традиций XX века. (XIX век был в этом плане совсем другой). Первичная идея — преодолеть косность, «салонность» живописи — салоны позволяли художнику найти своего спонсора, а не развивать талант — привела к **импрессионизму**. Сезанн, Клод и Эдуард Мане, Дега, Писсаро... Но импрессионизм — это пока еще тоже реализм. Главное в импрессионизме — остановить мгновение. А что главное в реализме? Запечатлеть то, что мы видим. Художники пытались найти новые методы, но они базировались на реализме, работали в рамках реализма, и потому прогрессировали в своем творчестве, несмотря на разную технику работы. Сначала на них смотрели, как на изгоев, людей, которые занимаются ерундой. Даже издевались, смеялись над их лучшими работами. Впоследствии же на импрессионистов стали ориентироваться многие салонные художники. Произошла трансформация живописи: исчезли черные тени, фон стал более светлым. Да, у импрессионистов появилось много подражателей. Но они не учились в академической школе, как те, кто стоял у истоков этого направления в живописи. А «школа» должна быть во всем! (Это касается и других видов искусства: литературы, музыки...)

Искусство и наука очень близки. В искусстве крайне важен академический научный подход: если нет процесса обучения, то человек является попросту дилетантом. И тогда он не сможет стать профессионалом, мастером своего дела и, бесконечно совершенствуясь, двигаться в своем творчестве дальше. Ведь и художник, и поэт, и музыкант должны обучаться на протяжении всей своей жизни, это залог развития их творчества. Любой профессионал, если достигает каких-то определенных вершин в творчестве, неизменно стремится к самосовершенствованию. Но художники, подражавшие импрессионистам, считали, что и не обучаясь, они смогут создать «эту мазию». Не понимая, что их предшественники прошли все этапы академической школы.

В итоге такого слепого и бездумного подражания произошла деградация в искусстве. В 20 веке, можно сказать,

уже не существовало академической школы в Европе; она оставалась только в России, да еще в США — за счет некоторых эмигрантов. Таким образом, под влиянием импрессионизма было разрушено то, что художники хотели усовершенствовать. И, как антитеза реализму, в искусстве стали появляться **авангардные** течения.

Авангардное искусство стремится порвать с традицией реалистической школы и выдумать что-то новое, свое. Перформанс, инсталляции, и так далее. Сделать нечто такое, чего до них не делал никто. Забывая слова библейского царя Соломона о том, что в мире все повторяется. (Кто-то раньше делал подобное, просто не называя это искусством).

Почему же авангардное искусство, хоть и не интересно, но так популярно? Дело в том, что сейчас процветает идеология **концептуализма**. Главное — концепция. Если ее нет, то нет и искусства. Авангард постоянно ищет новые пути, но отрицает при этом познавательные функции искусства (прямую изобразительность). За отрицанием этих функций следует и отрицание самих форм. Поэтому, авангард — это серьезная разрушительная функция. Главное для авангардистов — воплотить идею, продемонстрировать ее.

Чем больше над ними смеются, тем лучше. Любими путями им надо стать популярными, либо изгоями — все равно, лишь бы проявить себя. Вот это обстоятельство и привело к большим проблемам: ведь почти все авангардные течения связаны с бездуховностью, полнейшим отрицанием религий. Даже и не только отрицанием, но и кощунством. Например, некоторые выставки, такие, как «Осторожно, религия», создаются специально для того, чтобы осмеять верующих людей, их святых.

Искусство XX века основано на пиаре: шокировать, удивить, задевать власть, людей — лишь бы тебя запомнили. Возьмем арт-группу «Война». Ничего нового; явное порождение XX века: только шокировать. Образов нет, лейтмотив творчества: «Против всех». Современное искусство — это «черное», негативное искусство. Отход от замысла Творца. На бумаге, на холсте — все из себя, самое плохое. Как исповедь без причастия, наизнанку. Весь этот негатив тиражируется и откладывается в подсознании людей, детей, развращает их.

Некоторые художники затрагивают и евангельские темы, как вневременные. Так, художник Игорь Пестов изобразил семь смертных грехов в виде свинных морд. Натурой ему послужили настоящие отрубленные свиные головы, которые он покупал на рынке. Другие художники привлекают зрителя, используя матерную брань. Они пропечатывают мат в изображаемые ими тропари, как часть картины на евангельскую тему. Как ни странно, но многим людям подобное искусство очень нравится. Игорь Пестов, например, весьма популярный художник.

Следует порассуждать и о самой личности художника. На примере Пабло Пикассо видно, что обращение к темным силам, образам зла, а, в целом, отход от школы реализма, которая его взрастила как мастера, приводит к творческой и жизненной деградации. Так, в 15 лет Пикассо нарисовал очень красивую картину под названием «Первое причастие». Его реализм на этом закончился, он решил создать что-то новое, но новое оказалось депрессивным. Пикассо на протяжении всей своей жизни деградировал — и как человек, и как художник. Ведь и образ жизни мастера, безусловно, влияет на его произведения! Так, искусство Пикассо становилось все хуже и хуже. Вдохновляясь от собственной гордыни, он создавал кошмарные произведения, считая себя гением и испытывая ненависть к другим людям. Отвратительные рисунки: черепа, порнография — вот конец его творческого пути.

В современном искусстве популярна тема Смерти, увядания; изображается кровь, черепа и тому подобное. Почему? Ответ простой: если человек (пусть и талантливый) много лет пьет, в Бога не верит, не кается, циник, то и рисунки его — как говорится, «яблочко, которое далеко от яблоньки не падает». Так появляется крайняя форма абстракционизма — **дадаизм**. Тезис дадаистов звучит, как мантра: «Дадаисты не достигнут ничего... ничего... ничего...». Они отрицают все духовное, мораль, религии. В итоге происходит уничтожение будущего, логики, полное обесмысливание искусства. Цинизм — вот основа дадаизма. Любым способом произвести впечатление! «У нас не искусство, мы ничего из себя не представляем, но мы будем воздействовать на вас!»

К разрушению прошлого призывал и **футуризм**. Футуризм — это одно из самых радикальных течений современного искусства. Разрушить все прошлое! И разрушались музеи, библиотеки... (В некотором роде, Маяковский чем-то был похож на Пикассо).

Еще одно течение — **гиперреализм** (натурализм). Его задача — копировать реальную действительность; сверхдетализация объекта — участков кожи, прыщика и так далее. Запечатлеть реальность, но при этом она должна выглядеть очень страшно. Художники писали мертвечину, извращения. Обматывали детей бинтами, обливали краской — чтобы «показать их беззащитность», насилие над детьми в современном мире. Но, на самом деле, такое искусство, скорее, провоцирует насилие!

Действительно, у многих современных художников настолько бывает затуманен мозг, преобладает гордыня, что реализм им просто скучен. Другое дело — распатывать нервы тем людям, которые приходят на выставки.

Характерно, что все такие художники потеряли связь с Творцом, они испытывают религиозное разочарование, являются либо атеистами, либо сектантами. Таким образом, путь художника в авангардном течении приводит к полному разочарованию в жизни. Всё, что он делает, черным-черно. Жутко смотреть. Все негативные эмоции, которые эти художники из себя исторгают и трансформируют в своем искусстве, развращают людей, трансформирует душу, направляя её в сторону зла. Ведь каждый художник «ответствен за тех, кого приручил». А подобное «творчество» может сделать иного человека психически больным.

В современном искусстве часто происходит подмена понятий, обман. Многие художники легко достигают успеха, ничего не умея. Проще делать постоянные выставки, плинеры, посещать друг друга на этих выставках, говорить похвальные речи, нежели чем кропотливо учиться много лет подряд. В итоге процветает дилетантизм. Современное искусство легко доступно: можно сделать что-то «художественное»: инсталляцию, коллаж, — и тебя посчитают художником. Главное — эпатаж! И чтобы никто не нашел в анналах, в архивах, что кто-то это сделал до тебя. Но, в конечном итоге, человек приходит к отрицанию формы, отрицанию вообще всего, полной бездуховности, смешиванию стилей. Все современные художники вторичны. Через них «просвечиваются» Малевич, Дали, Кандинский и так далее. Самое удивительное, что представители современного искусства зачастую этого не видят. Да и зачем? Ведь, по их мнению, если человек ушел с выставки в хорошем, а не подавленном настроении, без шока в душе — то это нехорошо для устроителей выставок. Им очень важно, чтобы негативный посыл передался бы другим людям. В абстракционизме вообще очень размыт критерий «качества» рисунка. В принципе, любой человек может заниматься современным искусством. Поэтому туда все дилетанты и устремляются. Главная идея современного искусства — брошенность человека в современном мире, его оставленность. Бога нет. Ты одинок. В мире все плохо. Мир — это одна сплошная скорбь. «Вот это мы вам сейчас и покажем в своих произведениях». К сожалению, люди уже привыкают к такой манере отражения бытия. Формируется безбожность, отсутствие сострадания в душе. Зло становится нормой. Такова, вкратце, суть современного искусства...

А реализм неисчерпаем. Я пишу портрет, понимая, что каждый человек — это целый мир. Нет некрасивых людей, и все люди интересны. Человек, как образ Божий, неповторим и бесконечно изучаем. Такова же и природа. Таков и сам художник — реалист, он тоже неповторим. Люди ищут нового пути в искусстве. Но ведь каждый сюжет уникален! Не нужно слепо подражать Микеланджело, Рафаэлю. У них нужно учиться (не копировать, а учиться!) А впоследствии и выработается свой собственный неповторимый стиль.

Жизнь курсов в событиях и лицах

Паломничества на курсах совершаются регулярно. В том числе и далёкие, на Святую Землю (на фото вверху слева — наши сокурсники во главе с о. Михаилом Преображенским окунаются в Иордане). На фото справа: слушатели в гостях у о. Александра Михеева в пос. Лебяжье; поездка первокурсников во главе с о. Димитрием Симоновым в г. Кронштадт 1 ноября 2011 г.

Но бывают совершенно неожиданные случаи. Татьяна Сергеева (ныне — послушница в Пюхтицком монастыре) на практике в паломничестве применила знания, полученные в аудиториях Лавры. Её рассказ записала Софья Бусоедова, выпускница 2011 года.

В 2010 году Татьяне посчастливилось побывать на Святой Земле в дни Страстной седмицы. Поездка планировалась так, чтобы встретить светлый день Воскресения Христова в Храме Гроба Господня. Но Храм Гроба

Господня не может вместить в себя всех, желающих попасть на праздник. Паломники начинают занимать место в Храме за несколько дней до Пасхи. Они сидят по несколько дней на одном месте, не отходя, так как место сразу может быть занято другим таким же собратом во Христе, желающим встретить Пасху в Храме. Да и полиция израильская пропускает в Храм на Пасху только по специальным приглашениям.

Наша Татьяна в число счастливых, встречающих Пасху у Гроба Господня, не попала. Таня встала на улице так, чтобы увидеть праздник хотя бы на мониторах, размещённых в людных местах. Рядом с ней пристроилась супружеская пара. Познакомились, разговорились. Оказалось, что они тоже из России, тоже приехали встречать Пасху. Проникнувшись к Татьяне доверием, они признались, что никогда не исповедовались и не причащались. Сожалели, что не могут приступить к Таинствам, так как ничего о них не

знают и не понимают их. И несколько часов Татьяна рассказывала о Христе, о Его распятии и Воскресении, о смысле жизни, о дарах, которые даровал каждому человеку Господь. Конечно, люди, приехавшие в Иерусалим на Пасху, были благодарными слушателями.

Каков Промыслитель Господь!? Он благоволил Татьяне приехать из далёкого Санкт-Петербурга в Иерусалим. Он руками полицейских вывел Таню из Храма только для того, чтобы двое, ищущих Его, Его встретили. Встретили в самый главный для христиан день Пасхи Христовой. Встретили, как двое путников по дороге в Эммаус. Не Татьяна, но Господь через неё рассказал супругам о Таинстве Исповеди и Таинстве Причастия. «Не горело ли в нас сердце наше...» (Лк 24:32) Так и у них загорелось сердце приобщиться к таинствам по возвращении на Родину.

На фото: Татьяна Сергеева в Иерусалиме.

В фонде «Православная Детская миссия», занимающемся духовно-просветительской работой с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, работает несколько выпускников курсов. Кроме Православия, нет иного способа привить детям нравственность, научить ладить с людьми, помочь вписаться в тот мир, который ждёт их за пределами детдома.

Выпускница курсов 2011 г. Александра Мовчанюк организует знакомство с основами православной культуры для детей-сирот из 10-го детского дома СПб. В рамках программы «Доброделание» дети посещают соцучреждения, колонию для несовершеннолетних, ночлежки; видят горе, нужду, сломанные судьбы. И, участь состраданию, любви к ближнему, становятся доброжелательнее, общительнее. Подростки 14–17 лет из 10-го детского дома вместе с Александрой помогают малышам-инвалидам с ДЦП из 13-й школы-интерната посещать храм, оранжерею, сад бабочек; дарят им много внимания и тепла. А ведь подростков в этом возрасте так часто порицают за нерадивость, хамство, капризы или отсутствие интереса к чему бы то ни было! В доброделании раскрываются детские сердца.

Ирина Мингалимова ведёт занятия во Мгинской коррекционной школе-интернате для детей с тяжёлым нарушением зрения. Ребятам часто говорится о том, как мало любви и милосердия в обществе, о том, что есть заключённые в тюрьмах и бомжи в приютах, малыши в Доме малютки и болящие в больницах; о том, как необходимы в мире тепло и забота. Однажды дети смастерили весёлых тряпичных кукол. Они решили отнести их в дар престарелым больным городской больницы №8. Вместе с пожилыми людьми дети вырезали из бумаги звёзды, шары, ёлочки, чтобы затем украсить больничные палаты к Рождеству. А во время обеда дети разносили тарелки с едой и сами кормили тех немощных стариков, которым трудно было держать в руках ложку. Потом ребята читали стихи и пели песни, заранее подготовленные ими к празднику.

В Доме малютки подростки Мгинской школы-интерната гуляли и играли с крошками от 7 месяцев и старше, вытирали им носики, поправляли шапочки, занимали их музыкой, песенками и рисунками — как это было истари принято на Руси, когда старшие дети принимали активное участие в воспитании младших. Деятельная забота о малышах не только готовит ребят к будущим родительским обязанностям. Самое главное: она помогает стяжать такие христианские добродетели, как «дух мирен», сострадание и любовь к ближнему, понимание того, что Бог любит всех нас.

На фото: Ирина Мингалимова (выпускница 2011 г.) со своими воспитанниками в городской больнице №8.

Человеку в болезни нужен не только врач, но и священник. В городской инфекционной больнице им.С.П. Боткина больных поддерживает врач — православный христианин Анатолий Курковский, выпускник курсов 2011 года. Благодаря его усилиям, в больницу регулярно приглашается православный священник. Так, больные могут исповедоваться, причащаться, получать утешение и молитвенную поддержку багюшки.

На фото: молебен на Святую Пасху в Боткинской больнице служит о. Николай Мочалкин. Крайний справа — Анатолий Курковский. Апрель 2010 г.

Перед музейными педагогами Государственного музея истории религии стоит непростая задача: правильно рассказать ребёнку о духовных исканиях человечества, о появлении и становлении христианства и его принципиальных отличиях от язычества и других религий. Такая работа требует особой душевной чуткости и квалифицированной подготовки. Как, например, говорить о воспитании христианского мирозерцания при посещении экспозиции, посвященной архаическим верованиям?

Именно об архаике рассказывает программа Детского отдела «Начало начал». Интерактивное занятие «Собака по имени Тигр» проводится в мультимедийном пространстве, позволяющем ребёнку «погрузиться» в те события, о которых идёт речь. Все предметы здесь доступны для исследования: их можно брать в руки, испытывать на прочность, примерять... А ещё — увидеть звёздное небо, горящий костёр, собрать огромный пазл, участвовать в таёжной охоте, разместить игрушечных зверей на ветвях огромного магнитного Мирового дерева... При этом присутствуют и общеобразовательные моменты, и воспитательная направленность занятия с детьми.

На фото: Ирина Донина, слушательница курсов в 2001–2003 г.г., заведующая отделом образовательных программ и музейной педагогики Государственного музея истории религии ведёт музейно-педагогическое занятие «Собака по имени Тигр».

При храме Спаса Нерукотворного Образа по благословиению настоятеля протоиерея Михаила Сечейко создана группа семейной поддержки «Лучики». О работе в «Лучиках» рассказывает Алевтина Лемец.

«Занятия проводятся во время поздней Божественной литургии. Главная цель занятий с дошкольниками, а у нас три группы (дети 3–7 лет разделены по возрастам), — дать представление о духовных началах. Попутно достигается и другая, не менее важная цель — дать возможность детям, не посещающим детские дошкольные учреждения, адаптироваться в коллективе. Родителям даётся возможность полноценно участвовать в богослужении, исповедоваться и вместе с детьми, которых приведут в храм после занятия, причаститься.»

При планировании занятий учитываются даты церковного календаря: праздники, дни памяти святых, посты. Дети знакомятся с иконами и основами иконографии. Всё занятие, из скольких бы разнообразных частей оно ни состояло, связано одной темой. Рассказ по теме соотносится с детским опытом. Дети активно участвуют в беседе, особенно старшие.

Частая смена деятельности и эмоциональность педагога помогает удер-

живать интерес и внимание маленьких детей. Ведь трёхлетние дети усваивают материал полноценно не более 5-ти минут, а старшие дети — 10–15 минут. Они нуждаются в смене видов деятельности и в движении, смене обстановки, поэтому игра проходит в другом помещении.

А завершает всё сказка. Но она тоже должна быть связана с сюжетом и темой занятия. Так, на занятии о святом Спиридоне Тримифунтском мы берём сказку «Как кроткая овечка у Бога доброй доли просила», а на Покров — «Под грибом» В. Г. Сутеева.

Воспитание детей требует от взрослых высокой степени религиозно-нравственной ответственности, внутренней самоорганизации, жертвенной любви и самоотдачи для блага «малых сих» и непрестанного понуждения себя в деятельном служении им.

Наши дети окружаются мудрой заботой и вниманием: когда надо — лаской и нежностью, когда необходимо — увещанием и взыскательностью. Дети оценят заботу и внимание, если только, перефразируя слова апостола Павла (1 Кор 16:14), «всё да будет у нас с любовью».

На фото: Алевтина Лемец, педагог в группе семейной поддержки «Лучики» и выпускница курсов 2011 г. со своими воспитанниками.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГАВРИЛОВЕЦ

Вот уже много лет слушателей, а также преподавателей курсов встречает у входа в здание митрополичьего корпуса наш зритель, Сергей Иванович Гавриловец. Его взгляд добрый, жизнерадостный и, вместе с тем, строгий. Работа у Сергея Ивановича многогранная и очень важная для курсов. Кому-то что-то он подскажет, например, в какую аудиторию пройти, где будет то или иное мероприятие; кого-то просто подбодрит. На многих лекциях на преподавательском столе лежит диктофон Сергея Ивановича: ведь слушатели зачастую могут нуждаться в аудиозаписи лекционного материала. На высоком профессиональном уровне он снимает видеофильмы, выполняет художественные фотографии (портреты, групповые снимки, памятные фото и т.д.). Он помогает проводить занятия, связанные с демонстрацией слайдов и кинофильмов: Сергей Иванович знает все тонкости современной видео и аудио техники.

Наш курсовой зритель прекрасно исполняет песни под собственный аккомпанемент на гитаре, и выступает на православных праздниках.

Сергей Иванович является прихожанином храма Троице-Сергиевой Приморской мужской пустыни. Он часто общается с игуменом Николаем (Парамоновым). Таким образом, через Сергея Ивановича осуществляется связь курсов с отцом Николаем, их первым руководителем.

Слушатели курсов не раз читали в газете «Свеча» сказки и рассказы, написанные Ириной Роголёвой, выпускницей 2011 г. Многие затем перечитывали газетные страницы уже дома, вместе с детьми.

На фото: Ирина Роголёва на Пасхальной выставке. Среди изданий, предлагаемых подворьем Леушинского монастыря (ныне — храм св. апостола Иоанна Богослова), немало детских книг, вышедших из под пера нашей сокурсницы.

На наших курсах образовалось несколько семейных пар. Весной 2009 года обвенчались слушатели Фёдор Лаврентьев и Анна Дудова (на фото слева). Кузнецов Иван и Боркова Екатерина (на фото справа) соединили свои судьбы годом раньше, а летом 2009 года они уже ждали своего первенца. С радостным событием слушателей поздравляют и сокурсники, и администрация курсов.

О рукоположении диакона Михаила Преображенского во священника рассказывает Татьяна Драчук, выпускница 2011 года.

Рукоположение состоялось в Казанском соборе 6 мая 2009 года, в день великомученика Георгия Победоносца. Имея одного такого сильного небесного покровителя как Архистратиг Михаил, о. Михаил приобрёл ещё одного меченосца Георгия Победоносца. Рукополагал о. Михаила епископ Маркелл, что на латыни означает «воинственный». Вот так небесная и земная церковь вместе утвердили нашего священнодиакона Михаила в новое звание иерея Михаила.

На фото: слушатели и администрация курсов поздравляют о. Михаила Преображенского с рукоположением в иереи.

28 июля 2011 г., в 9-й день по кончине Игоря Цезаревича Мироновича, в академическом храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова СПбПДА, была совершена заупокойная литургия и отслужена панихида. На заупокойной ектении к обычным прошениям было присоединено дополнительное – об упокоении новопределенного раба Божия Игоря. Среди тех, кто молился в этот день о новопределенном Игоре, были и учащиеся епархиальных Курсов религиозного образования и катехизации, которые пришли почтить память любимого учителя, много лет преподававшего на Курсах «Библейскую историю».

Выпускной! Три года обучения, а затем долгожданный день вручения свидетельств об окончании курсов. Свидетельства и памятные подарки слушателям вручает правящий архиерей.

Слушателям, только пришедшим на курсы (нижнее фото), предстоит ещё немало потрудиться, чтобы получить свидетельство об их успешном окончании. Выпускники говорят, что время летит незаметно...

Самые «молодые» слушатели на курсах: фото первокурсников 2011 года с ректором СПбПДА, председателем ОРОиК СПб митрополии епископом Гатчинским АМВРОСИЕМ в Актовом зале СПбПДА.

9 июня 2011 года по благословению Преосвященнейшего АМВРОСИЯ епископа Гатчинского состоялся юбилейный XX выпуск слушателей Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Юбилейные мероприятия, проходившие в день памяти св. праведного Иоанна Русского, исповедника, начались Божественной Литургией в Храме св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова Санкт-Петербургской духовной Академии, которую возглавил ректор СПбДА, председатель Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской митрополии епископ Гатчинский АМВРОСИЙ. На Литургии присутствовали преподаватели и выпускники епархиальных Курсов, сотрудники Отдела религиозного образования и катехизации. После Литургии в Актовом зале СПбДА состоялась торжественное вручение выпускных свидетельств епископом Гатчинским АМВРОСИЕМ.

Рассказ о двадцатилетии курсов дополняет компакт-диск, в буквальном смысле несущий нам совет св. Серафима Саровского: «Стяжай дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Лекции преподавателя «Библейской истории Ветхого и Нового Завета» И. Ц. Мироновича очень трудно комментировать. Глубочайшее знание Писания, внимательное отношение к деталям, точное выделение важных тем и, что невозможно не заметить, удивительно доброе и тёплое отношение к своим слушателям чувствуются при прослушивании записей его бесед. Невольно приходит на ум выражение «Пастырь добрый».

Игорь Цезаревич Миронович – один из старейших преподавателей наших курсов, доцент СПбДА, кандидат богословия, отошедший ко Господу в 2011 году. Он был не просто всеми уважаемый лектор, но и учитель для многих из нас. Долгое время Игорь Цезаревич не позволял записывать свои лекции, считая, что гораздо важнее личное общение слушателей с преподавателем. Но в последние годы он всё-таки разрешил сделать запись нескольких своих лекций. Этими замечательными видеоматериалами мы и хотим поделиться с нашими читателями: коллегами, друзьями, единомышленниками.

Никому не позволено в христианстве быть вовсе неучёным и оставаться невеждой. Сам Господь не нарёк ли Себя Учителем и Своих последователей – учениками? Неужели это праздные имена, ничего не значащие? И зачем послал Господь в мир апостолов? Прежде всего, учить все народы: идите, научите все народы (Мф 28:19). Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа – не для тебя посланы апостолы, ты не то, чем были все христиане с самого начала христианства; я не знаю, что ты такое и что с тобой будет.

Святитель Филарет Московский